

**ТРИ ПУНКТА НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ РОССИИ:**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ

- 1** ПРОДУКТЫ ДОЛЖНЫ ДОРОЖАТЬ.
- 2** ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ПЛАТИТЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ.
- 3** НАРОД ДОЛЖЕН НИЩАТЬ И ПОМАЛКИВАТЬ.

ПРИ ПЛОХОЙ ЕДЕ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

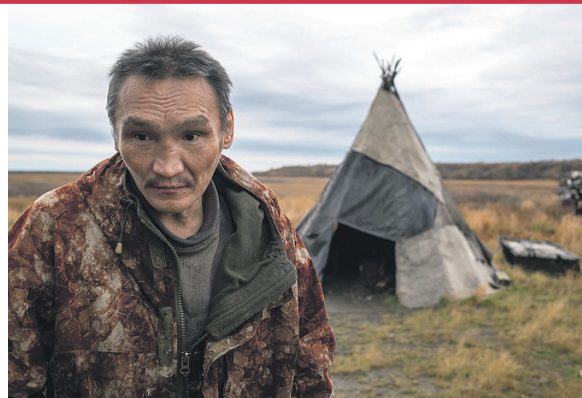
**КАК ВЛАСТЬ
ВЕРНУЛА РОССИЮ
В «СТАЛИНСКИЕ
КОЛХОЗЫ» —
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
ДОКЛАД ДМИТРИЯ
ПРОКОФЬЕВА**

страницы 2–3

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

**В ТАЙМЫРСКОЙ ТУНДРЕ УМИРАЕТ САМЫЙ
СЕВЕРНЫЙ НАРОД НАШЕГО КОНТИНЕНТА
НГАНАСАН РАЗУЧИЛИ ЖИТЬ**

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РЕПОРТАЖ
ЕЛЕНА
КОСТЮЧЕНКО
И ЮРИЯ
КОЗЫРЕВА**

страницы 7–25

**Дмитрий
ПРОКОФЬЕВ** —
специально
для «Новой»

ГРОБ-

Три пункта новой экономической модели России: продукты должны дорожать, люди должны платить еще больше, народ должен нищать. Власть вернула страну в «сталинские колхозы»

Росстат поделился официальной информацией о росте цен — годовым показателем инфляции по состоянию на март можно оценить на уровне 5,8% год к году. Это много, но не катастрофично, в России и не такое видели.

Однако быстрее всего растут цены на еду, что чрезвычайно раздражает людей. Больше половины россиян называют подорожание продуктов основной проблемой. И дело здесь не только в том, что по итогам февраля продовольственная инфляция в России достигла 7,7% (рекорд с 2015 года).

Люди очень много тратят на еду в принципе. По расчетам РАНХиГС, расходы на продукты питания съедают 38,16% семейного бюджета. Это тоже рекорд с 2010 года, когда еда обходилась людям в 38,5% от бюджета. Напомню, это средний показатель, на самом деле множество семей тратит на еду больше половины своих денег.

Ну а что бы вы хотели, пожимает плечами начальство, кризис, понимаешь, он во всем мире кризис. В России еще ничего, вы на Африку посмотрите, в Южном Судане тарелка риса с бобами стоит полторы дневных зарплат. Или вон нефтяная сверхдержава Нигерия, которая из-за темпов роста цен попала в список «горячих точек по продовольствию», составленный Bloomberg (вместе с Индией, Турцией, Бразилией и Россией, кстати).

Все под контролем, напоминают власти, вот вам мониторинг цен, вот соглашения об ограничении их роста, вот пошлины на экспорт зерна. Если кто-то не согласен — в Госдуме уже написан законопроект, угрожающий за «фейки о росте цен на еду» тюремными сроками.

Ну а «список Bloomberg», обещающий народные волнения в случае нехватки еды, это вообще ерунда, отмахивается начальство, чего-чего, а дефицита продуктов у нас не будет. Вот и заместитель министра промышленности и торговли, общаясь с комитетом Госдумы по аграрным вопросам, сказал, что повышение цен «придется поступательно принимать», чтобы «не остаться без товаров на полках».

Большие деньги на плохой еде

Тут что-то не так, скажет независимый наблюдатель, знакомый с основами экономической теории. Дело в том, что рост цен — на 5–10–15% (а по каким-то позициям отечественных товаров и на 50% и на 100) происходит на фоне падения доходов. Откуда у людей деньги, чтобы платить за свой обед больше? Даже официально сокращение реальных доходов людей по итогам 2020 года составило 3–4% (на самом деле больше), но цены и не думают «подстраиваться под спрос». Наоборот, они ведут себя так, как будто денег у людей больше с каждым днем.

Нет, все так, возразят макроэкономисты. Феномен, когда цены вместо того, чтобы «подстроиться» под упавшие доходы, начинают расти, давно и хорошо известен. Действительно, в случае «кризисного» (то есть краткосрочного) падения доходов потребителей производители действительно могут снизить цены, чтобы не потерять своих лояльных потребителей и свою долю рынка. Но когда падение доходов людей на самом деле представляет собой долгосрочный тренд, производители ведут себя иначе.

Просто, рассуждая о росте цен, мы забываем, что ценники не переписывают себя сами. Их переписывают даже не магазины, а в первую очередь производители продуктов, для которых ситуация с падением доходов людей и ростом доли расходов на еду выглядит как сказочный подарок судьбы.

Как это работает? Если доходы потребителей устойчиво снижаются, люди начинают искать и покупать продукты подешевле. Но с точки зрения произво-

дителей, это выглядит как рост спроса на «дешевые (низкокачественные) продукты». А как производитель реагирует на «рост спроса»?

Правильно, повышает цены! Его задача ведь не просто «продать», а обеспечить максимум прибыли при минимальных издержках. Если доходы людей падают и будут падать, инвестировать в расшире-

Самое дешевое будущее

А как же рассуждения о том, что «кризис преодолен» и «доходы будут расти»? Никак. В шлепанье языком насчет «роста» большой бизнес не верит, и доказывает это не словом, а делом. Отличный пример —

«**ПРОДУКТОВЫХ КАРТОЧЕК, О КОТОРЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПОДНИМАЕТСЯ РАЗГОВОР, В РФ НЕ БУДЕТ. ПОТОМУ ЧТО СИТУАЦИЯ, КОГДА ЛЮДЯМ В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ПРИХОДИТСЯ «РАБОТАТЬ ЗА ЕДУ», ПОЛНОСТЬЮ УСТРАИВАЕТ ВЛАСТИ**»

ние производства, повышение качества и борьбу за долю рынка просто глупо. Отечественному аграрию проще и быстрее заработать все что можно, повышая цены и отказываясь от производства нерентабельной продукции.

Что же касается условно «дорогих высококачественных продуктов», отечественный производитель рассуждает так — для «богатого покупателя» расходы на еду в общей сумме его расходов невелики, он и не заметит прибавки к ценнику. В этой ситуации на рынке не остается места для «средних продуктов» — а «дорогие» и «дешевые» растут в цене.

фантастически успешное IPO российского ритейлера Fix Price — на Лондонской бирже компанию оценили в \$8,3 млрд, то есть 35 годовых прибылей (для сравнения — такой гигант российский ритейлера, как X5, «стоит» 33 своих годовых прибылей).

«Деньги» — два миллиарда долларов, которые Fix Price дали самые что ни на есть «глобальные инвесторы», вроде Qatar Investment Authority, четко сказали, как именно будет выглядеть потребительское поведение россиян в ближайшие годы. Так вот и будет — вместо «шопингов по сезону» — стандартный ассортимент ширпотреба в ценовом интервале от дол-

лара до четырех. Не «актуальные бренды», а просто «обычную вещь за минимальную цену». Что-то взять в руки, что-то натянуть на ноги, что-то положить на стол. Что подешевле.

Общий оборот розничной торговли в России упал на 4,1% в прошлом году, зато выручка Fix Price увеличилась на 33%, до 190 млрд рублей. На столько же выросла чистая прибыль, составившая 17,6 млрд рублей. Отличные результаты, которые, кстати, доказывают, что большой ритейл в РФ никак не заинтересован в росте доходов людей — ему это вообще безразлично, он успешно заработает на бедных еще легче, чем на богатых.

Вообще-то следующим этапом должно стать появление магазинов вроде Fix Price, но уже продуктовых — со стандартным ассортиментом еды по «условно-минимальным» ценам. Или уже по карточкам.

Настоящие приоритеты

Но и «продуктовых карточек», о которых периодически поднимается разговор, в РФ тоже не будет. Потому что ситуация, когда людям в прямом смысле слова приходится «работать за еду», полностью устраивает власти. Об этом, конечно, не говорят с высоких трибун, но в таких вещах дела важнее слов.

А дела здесь таковы. Вот как с точки зрения российских производителей еды сейчас наступило время ураганных возможностей обогащения, так и с точки зрения власти сейчас время торжества ее долгосрочной экономической политики.

Дело в том, что рост цен в наших условиях — это абсолютно логичное и закономерное следствие проводимой политики

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

В России официально вводится
единомыслие: Дума окончательно
утвердила, чему можно учить людей,
а чему — нет

НЕЛЮБОПОЫТНЫЕ
ВАРВАРЫ

Назовем вещи своими именами, пока это еще не выходит за рамки УК: «поправки в закон об образовании», принятые 16 марта Госдумой, это закон о цензуре, противоречащий ее запрету в ст. 29 Конституции РФ, а если вспомнить Козьму Пруткову, то «проект о введении единомыслия в России».

«Законодательство РФ, — сетовали авторы законопроекта в пояснительной записке, — не содержит положений, определяющих правовые основы просветительской деятельности, порядок ее осуществления, требования к ее участникам». Вопреки обыкновению в записке не было ссылок даже на притянутый за уши зарубежный опыт: такого до сих пор не было не только в России, но и нигде в мире.

Во всех странах действуют законы в сфере образования, но там речь идет о выдаче правоустанавливающих документов: аттестатов и дипломов общепризнанного образца. А просвещение законодательно определить невозможно, и решение Думы называть просветительской деятельностью все, что «осуществляется вне рамок образовательных программ», — это и есть рамка и первая часть формулы «все, что не разрешено, то запрещено», то есть цензуры.

Попытка ввести такое регулирование в XX веке была предпринята в СССР. Всякое публичное выступление должно было быть «залитовано» (от слова «Главлит»), но те ведомственные инструкции носили стыдливый гриф «ДСП» (для служебного пользования), а откровенно запрещать просветительскую деятельность все еще более или менее просвещенным большевикам в голову не приходило.

Я вижу две причины этой абсурдной инициативы. Главная — это «смотрины» нынешних депутатов Думы в преддверии осенних перевыборов, своего рода кончусь мракобесия. Вторая — ситуативная: триггером стало создание в интернете «Свободного университета», костяк которого составили преподаватели, изгнанные из «Вышки» за неблагонадежность (я тоже веду там семинары по «философии журналистики» и не собираюсь от этого отказываться).

Если в первой редакции проекта предполагалось, что «просветительскую деятельность вправе осуществлять физические лица, индивидуальные предприниматели и (или) юридические лица при соблюдении требований, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также иными нормативными правовыми актами РФ», то в третьей, одобренной редакции эта формула приняла более жесткий вид: «просветительскую деятельность осуществляют органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, уполномоченные ими организации, а также вправе осуществлять физические лица, индивидуальные предприниматели и (или) юридические лица при соблюдении требований, предусмотренных настоящим Федеральным законом

и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

«Просветительская деятельность органов государственной власти» — это нонсенс, власть налогоплательщики содержат и терпят не для этого, а смысл формулы в том, что «надзирающие органы» (к ним, вероятно, будут отнесены Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки) будут читать ее с подражательным добавлением «только». «Порядок, условия и формы осуществления просветительской деятельности, — гласит закон, — а также порядок проведения контроля за ней устанавливается Правительством РФ» — и такое постановление установит разрешительный порядок любых публичных выступлений для всех «физических и юридических лиц».

Следует ожидать, что до 1 июня 2021 года, когда закон, как предполагается, вступит в действие, Федеральное собрание успеет принять и проект поправок в КоАП, а то и в УК РФ — о карах для «партизан от просвещения».

Пояснительная записка к законопроекту и не скрывала целей его инициаторов: «Отсутствие правового регулирования создает предпосылки для бесконтрольной реализации антироссийскими силами в школьной и студенческой среде под видом просветительской деятельности широкого круга пропагандистских мероприятий, в том числе поддерживаемых из-за рубежа и направленных на дискредитацию проводимой в Российской Федерации государственной политики, пересмотр истории, подрыв конституционного строя».

Это знакомая паранойя, а оговорка в законе о том, что «не допускается использование просветительской деятельности для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни... а также для побуждения к действиям, противоречащим Конституции РФ», — является излишней: такие действия и без того наказуемы, хотя запрет этот действует (например, для телевизионных ток-шоу) весьма выборочно. Прицельными, по-видимому, будут и репрессии против «партизан», но правовой защиты от них не будет: на Конституционный суд теперь надежды мало.

И все же. На заре эпохи просвещения в 1784 году Иммануил Кант определил его как «выход человека из состояния несовершеннолетия... причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости пользоваться им без руководства со стороны... Имей мужество пользоваться собственным умом!».

В истории, в том числе России, было немало попыток со стороны власти запретить своим подданным думать. Некоторые из них привели к драматическому отставанию от развивающегося мира, но ни одна в конечном итоге не увенчалась успехом: такой запрет противоречит природе человека.

Леонид НИКИТИНСКИЙ,
обозреватель «Новой»

ЩЕНА

сверхэксплуатации человеческого труда в РФ. У нас принято говорить, что главным источником доходов власти является экспорт углеводородов. Но это не совсем так. На макроуровне главным объектом налогообложения и эксплуатации в России является труд людей, а вовсе не нефть.

Просто все это работает чуть сложнее. История с импортозамещением, которым так фанатично увлечены власти, есть элемент экономической политики, направленной на ограничение предложения на рынке продовольствия. А раз предложение сокращается, вы получаете рост цен, по-другому не бывает.

Но чем выше цены, тем большую долю ваших расходов съедают продукты, и тем сильнее сокращается спрос на все, что не еда, в первую очередь — на потребительский импорт. По итогам 2020 года доля импорта во внутреннем спросе упала до 15%. А чем меньше спроса на импорт, тем больше валютной выручки остается в руках властей.

Больше того, власти «заставили» людей работать «за дорогую еду», в полном согласии с агропромышленной олигархией, в руках которой находится основной объем производства продуктов. Это ведь все тот самый «красный пояс», который в 90-е голосовал за губернаторов-«коммунистов», а теперь составляет совершенно лояльную электоральную опору власти — у местных агроолигархов все сказочно, ведь экспорт продовольствия растет.

В 2020 году вывели продовольствия на 30,7 млрд долларов, это, конечно, не нефть, но кое-что. Окажись эти продукты на внутреннем рынке, мы получили бы падение цен и — естественно — рост спроса на потребительский импорт за счет увеличения у людей объема свободных средств. Но это совершенно не соответствует интересам власти. Ее интересы такие — работайте задешево, покупайте задорого.

Это ведь, кстати, очень давняя политика, придуманная вовсе не нынешними министрами-капиталистами, а их дедушками, сталинскими «индустриализаторами».

Сталинское
ценообразование

Экономист Джон Мейнард Кейнс, хорошо знавший нашу страну, в книге «Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой» так объяснял фундамент экономической политики большевиков:

«Официальные методы эксплуатации крестьян заключаются не столько в налогообложении, <...> сколько в политике цен. Монополия над импортом и экспортом, фактический контроль над промышленной продукцией позволяют властям поддерживать цены на уровне, крайне неблагоприятном для крестьянства.»

У него закупают зерно по ценам, гораздо более низким по сравнению с мировыми, а продают крестьянам текстиль и другие промышленные товары по заметно более высоким ценам; разница между ними составляет фонд, из которого можно обеспечить сверхвысокие цены, равно как и покрыть общие издержки неэффективного производства и распределения. Таким образом, реальные доходы русских крестьян составляют чуть более половины того, какими они должны быть.»

Что здесь изменилось за 90 лет? Можно сказать, что сейчас у российского работника «покупают» его труд по ценам гораздо более низким по сравнению с мировыми, а продают нам товары по заметно более вы-

соким ценам, как в «бсолютных цифрах, так и относительно к нашим доходам».

Суть текущей экономической политики и заключается в том, чтобы заставить людей платить больше за товары отечественного производителя, а цель такой политики в данном случае — обеспечить сверхприбыли и сверхпотребление 10 000 правящих семей. Это называется «gent-scaring», манипулирование экономической политикой государства в интересах отдельных лиц. И надо сказать, манипулирует начальство экономикой виртуозно, причем на всех уровнях. Даже самый маленький начальник в отдаленном муниципалитете находит механизм, с помощью которого превращает ваши деньги в свои, причем полностью в рамках существующих законов и практик.

При этом надо понимать, что низкий уровень зарплат в целом позволяет власти не слишком тратить на людей, которых она нанимает сама.

Как пишет «Вестник Института экономики РАН» (№ 1, 2021) в исследовании «Бедность в России: методология измерения и международные сравнения»: «Главным фактором, способствующим сохранению довольно значительных масштабов бедности, является низкая оплата труда, особенно в организациях и на предприятиях государственного и муниципального сектора — это без малого 40% общего числа занятых. Доля работников, получающих менее одного МРОТ, на государственных и муниципальных предприятиях в 4 раза больше, чем на предприятиях негосударственной формы собственности». Поэтому никакого роста доходов, который расширил бы спрос внутри страны, начальники не допустят. А расширение экспорта позволяет аграриям чувствовать себя превосходно. В этом смысле мы вполне вернулись в начало прошлого века — как по значению сырьевого и аграрного экспорта в экономике страны, так и по уровню социального расслоения.

Так что с макроэкономической точки зрения мы те же самые «крестьяне в сталинском колхозе» (только очень большим, на всю страну), получаем за труд по минимуму, платим по максимуму. Правда, нам разрешена экономическая «самозанятость», всякие халтуры и подработки — ну так и сталинскому колхознику был разрешен участок, яблоня, коза. Но за все это надо было платить.

Вот мы и платим. И будем платить еще больше. И за сверхприбыли аграриев, и за растущие правительственные валютные фонды, и за «общие издержки неэффективного производства», как выражался Кейнс.

P.S. Знаменитый советский экономист Николай Полетика рассказывал о своей встрече с Кейнсом в 1925 году. Звезду Лондонской биржи и редактора The Economic Journal принимали в СССР на самом высоком уровне. Руководители советской экономики долго рассказывали англичанину о научной основе планирования и о том, что в Советской России «не будет анархии производства, не будет конкуренции в производстве, не будет кризисов и скачков в производстве, не будет падения производства, а лишь один ровный и постепенный подъем».

Ну да, сказал Кейнс, все это получится только в том случае, если у вас в стране рабочие будут получать за труд значительно меньше, чем получают рабочие за границей. Или если у вас будет почти бесплатный и принудительный труд».

На этом, резюмировал Полетика, разговор и закончился.

Хакасию называют «красной» из-за коммуниста Коновалова, ставшего губернатором в 2018-м. В реальности она почернела — из-за власти уголовного элемента. Сегодняшний ее день — это развод московских лохов: деньги, выделенные республике по нацпроектам «Демография» и «Здравоохранение», осваивают судимые — по два, по три раза и по десять. И над всем этим неуловимо —

дым «тувинки». Конопля, попадающей из-за перевалов в большой мир как раз через Хакасию. И сбыт травы, и борьба с ее сбытом — диалектика — дали дорогу к большим деньгам многим. Если ты судим за «тувинку» — фарту масти. Отличный шанс стать королем госзаказа. Верховный суд признал АУЕ («арестантский уклад един») экстремистским и запретил —

как общественное движение. Но одного формального признания мало, чтобы люди перестали жить по подобным уставам. Месяц назад глава финразведки Юрий Чиханчин докладывал Владимиру Путину именно об этом — хотя речь и звучала о строительстве в Хакасии детсадов по завышенным ценам. Красное затушевывается черным легко. Наоборот — сложнее.

А еще он немного шьет

ЗПП чем-то неуловимо напоминает ЗППП. Первое — защита прав потребителей, безусловно, богоугодное дело, второе — заболевания, передаваемые половым путем, не дай бог никому. Вроде ничего общего, кроме внешней привлекательности процесса. И потому — распространенности. ЗПП — вполне рабочая схема, целые конторы трудятся. Под благим предлогом выбивают из крупного ритейла миллионы за «недостатки», обнаруженные вскоре после покупки гаджетов и бытовой техники.

СК сообщает о разоблачении в Хакасии организованной группы. Пока это шесть человек, девять эпизодов мошенничества в особо крупном размере, девять эпизодов фальсификации доказательств по гражданскому делу. Задержано четверо. «С апреля 2017-го по настоящее время согласно распределенным ролям осуществляли мошеннические действия в отношении коммерческих компаний, путем обмана оформляя претензии и фиктивный возврат товара. Впоследствии фальсифицируя экспертные заключения и акты осмотра техники, взыскивали в судебном порядке [...]», — говорится в сообщении ведомства. 12 марта СК информировал, что троих взяли под стражу, одному избран домашний арест, остальные фигуранты под подпиской о невыезде. Эти решения вынес тот же самый Абаканский горсуд, где ранее эти юристы, защищая права потребителей, и доили, веселясь и похажывая, избранные ими конторы. Расследование продолжается, СК пишет о подозрениях в адрес «иных неустановленных лиц».

О том, что среди участников ОПГ, по версии следствия, юрист, член КПРФ, работник предприятия «Леса Хакасии» Евгений Антоненко (он под арестом), сообщили «Вести — Хакасия» (госканал «Россия-1»). Источники в хакасском МВД подтверждают. Антоненко — не только соратник губернатора Валентина Коновалова по партии, но и его давний друг. В соцсетях Антоненко — не только парадные портреты Сталина (на фоне сталинского бюста любил давать интервью и Коновалов), но и дружеские застолья двух молодых юристов. И вообще-то Антоненко годами нагнал магазины в паре с Коноваловым (ну а кому еще заниматься «курошением и низведением» буржуев, как не юристам-коммунистам?) Открываем сайт Абаканского горсуда. Он битком набит делами ЗПП от друзей.

Вот несколько дел лета 2018 года — уже всю губернаторская кампания, Коновалова взяли в нее спойлером.

Дело № 2-3771: гражданка Шубкина хочет получить денег с АО «Связной Логистика» — приобрела iPhone, обнаружила вскоре в нем «существенные недостатки». Представителями Шубкиной выступают в паре Антоненко и без пяти минут губернатор Коновалов, требуют, как водится, помимо стоимости товара три вида разных неустоек и компенсацию морального вреда. И находят понимание.

Дело № 2-3256 — та же фабула, снова Коновалов и Антоненко вместе. Разница в том, кого раскулачивают. На сей раз пре-

АБАКАНСКИЙ УКЛАД ЕДИН

Кремль или мстит Хакасии за неверный выбор губернатора, или ничего не может сделать с союзом коммунистов и уголовников. Подоплека громких арестов в регионе

тензии к ООО «Самсунг Электроник Рус Компани» (магазин «Русская телефонная компания»), речь о Samsung Galaxy: «в ходе эксплуатации в смартфоне выявились недостатки».

Дело № 2-3297 — тут не только фабула, тут вообще все совпадает. Те же представители истцов, в ответчиках та же «Русская телефонная Компания». Права потребителя защищены.

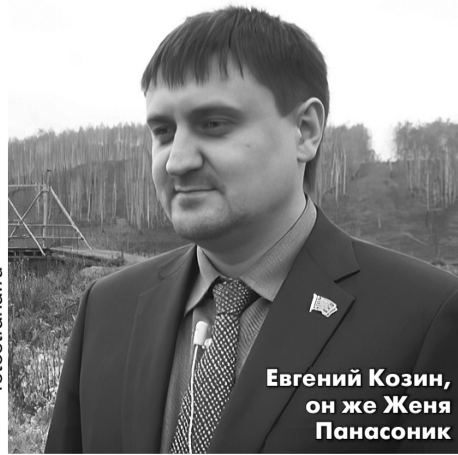
Уже сентябрь 18-го, выборы всюю. Коновалов ненадолго отвлекается от политики для любимого занятия. Дело № 2-2864, он тут уже один отстаивает потребителя от АО «Связной Логистика». Вот ту же фирму Коновалов, согласно архивам суда, плющит несколько раньше (дело № 2-1037). А вот (дело № 2-517) еще раньше. Снова — «Связной Логистика». «Связного» чередуют с «Русской телефонной компанией» — дело № 2-263, в нем снова будущий губернатор. Снова побеждает.

Не прокатило у них с Антоненко в начале карьеры — в 2013-м. Тогда Антоненко сам выступал истцом, неудовлетворенный качеством игровой консоли, а Коновалов — его представителем в суде. Никаких расследований не нужно — пройти в архивы судов может каждый, по этим делам они открыты.

Коновалов ушел на повышение, а Антоненко продолжил защищать потребителей. Рушиться дело начало месяц назад, с решения Верховного суда Хакасии. Ранее Таштыпский райсуд взыскал 290 тыс. за «неисправный» ноутбук, 160 тыс. штрафа, расходы на юриста и моральный ущерб, однако ВС суммы эти отменил, установив, что потребитель лишил продавца возможности проверить качество

товара: в претензии в обратном адресе указал район, улицу, дом, но не написал наименования населенного пункта.

Хитрость в чем: в районе такой адрес (улица и дом) есть и в городе Абаза, и в селе Таштып. Письмо продавца ушло, естественно, по городскому адресу. А истец — в деревне. Письма нет, и он идет в суд. Это было поставлено на конвейер. И это было известно. Если вы скажете, что за такое 90% юристов можно сажать, обратите внимание на детали от следствия. Роли четко расписаны: одни покупали бытовую технику, другие, работающие в торговых компаниях, принимали претензии и оформляли фиктивный возврат, выставляя поставщикам денежные претензии. При этом товар не передавался. Либо его искусственно приводили в неисправное состояние — тут вступал в дело еще один участник группы, работающий в сервисном центре.

Евгений Козин,
он же Женя
Панасоник

Затем участники группы и, как пишет следствие, «иные неустановленные лица» шли в суд с ложными экспертными заключениями и актами осмотра техники. В ходе суда участники организованной группы ходатайствовали о проведении экспертиз качества товара в определенных учреждениях и Торгово-промышленной палате республики, где для осмотра товара привлекался один из участников группы.

Последнее дело № 2-1207/2021 с участием Антоненко успешно для него завершилось, вот только мотивированное решение составлено 9 марта. И что любопытно. Тот же ответчик, кого они трясли регулярно — ООО «Сеть Связной», — значит, в частности, в деле № 33-116/2020. Его рассматривали горсуд и суд Верховный. Так вот, 16 марта смотрю на сайте ВС в картотеке это дело: представителем обозначен один Антоненко. На скриншоте же, опубликованном месяц назад тг-каналом «Альтернативный эфир Хакасии», участниками дела (представителями) названы двое — Антоненко и Коновалов. Поверить в то, что губернатор продолжает «немного шить», увлечен любимым занятием — сложно. Фейк? Бездумное копирование документов — судом или друзьями-юристами? Да что бы это ни было... Если следствие вдруг обратит внимание на Коновалова и установит, что он ходил в суд (как на работу) в своем уме, тогда со всей очевидностью этот отрезок его жизни может быть исчерпывающе описан ст. 32 УК (соучастие).

Лесоповал Коновалова

Антоненко работал юристом в «Лесах Хакасии». Это не АУЕ (запрещенное в России), а АУ — автономное учреждение, год назад учрежденное Коноваловым и регправительством «для охраны, защиты и воспроизводства лесов». Месяц назад прославилось: с поличным при получении взятки в 4 млн (за продажу хакасского леса) ФСБ взяла директора «Лесов Хакасии» Васильева. СК сообщил: часть суммы предназначалась для передачи помощнику руководителя администрации губернатора и правительства Гаранину.

АППАРАТ ГЛАВЫ ХАКАСИИ КОНОВАЛОВА СРАЗУ ОПРОВЕРГ СВЕДЕНИЯ О ТОМ, ЧТО КОЗИН ЯВЛЯЕТСЯ ВНЕШТАТНЫМ СОВЕТНИКОМ КОНОВАЛОВА, А НА САЙТЕ КРАЕВОГО ЗАКСА ИСЧЕЗЛО УПОМИНАНИЕ ОБ ЭТОМ

Евгений Антоненко
и Валентин Коновалов

Соцсети

Тут, собственно, уже два дела: помимо взятки появилось вскоре еще одно — 4 марта МВД Хакасии охарактеризовало персонажей в окружении губернатора как оргпреступную группу, занимающуюся незаконной рубкой лесных насаждений, контрабандой, легализацией преступных доходов и иными тяжкими преступлениями экономической и коррупционной направленности в особо крупных размерах.

За два дня до этого в Красноярске задержали депутата регионального Заксобрания (фракция КПРФ) Козина («Женю Панасоника») как предполагаемого посредника в передаче взятки одному из руководителей красноярской мэрии. Аппарат главы Хакасии сразу опроверг сведения о том, что Козин является внештатным советником Коновалова, а на сайте краевого ЗакСа исчезло упоминание об этом. А о том, что Козин стал депутатом, не имея высшего образования, но имея судимость за кражу (для депутата, возможно, это как раз важнее), тут и не упоминалось.

Хакасскому министру строительства и ЖКХ, и.о. вице-губернатора Новикову прежде уже инкриминировали мошенничество в особо крупном размере и злоупотребление полномочиями (в суд дело ушло со статьей «халатность», прекращено за истечением срока давности, впервые же Новиков привлечался к уголовной ответственности в 19 лет); в 2020-м взят ФСБ при получении первого транша взятки (2 млн из 12) — «Новая» об этом писала в № 49 за прошлый год. А «Синодекор» и дававший взятку (по версии следствия) за получение госконтракта на 484 млн от хакасского УКС в рамках реализации нацпроекта «Демография» — по-прежнему в королях госзаказа в Хакасии.

Контракт этот — на воздвижение второй очереди жилого корпуса Туимского психоневрологического интерната. Согласно Spark-interfax, численность «Синодекора» восемь человек (31.12.2019), уставный капитал 12 тыс. рублей, кредитный лимит 2,2 млн рублей (мнение Интерфакса о приемлемом авансировании компании). Годовой оборот 17 млн. При этом УКС отдал «Синодекору» контрактов более чем на 1 млрд рублей, это республиканский Топ-3.

Несколько слагаемых успеха. Помимо нацпроектов, вознесших мелкую фир-

Построенный детсад в селе
Табат Бейского района.
Октябрь 2020 года

Фото из архива

В СЕЛАХ ТАБАТ И АРБАТЫ КАЖДЫЙ САДИК НА 45 МЕСТ. МИНОБРНАУКИ ХАКАСИИ ПОДТВЕРДИЛ ДАННЫЕ ФАС: КВАДРАТНЫЙ МЕТР В НИХ — ОТ 67 ДО 77 ТЫС. РУБЛЕЙ. ЭТО ПРИ ВСЕХ НЕДОСТАТКАХ. СЛОВНО ИХ НЕ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ ДЕЛАЛИ, А ДЛЯ ВРАЖЕСКИХ

му, — это, несомненно, личные таланты Ивана Валиева. Того, кто сотрудничает с ФСБ и вручал под их контролем на парковке взятку вице-губернатору. В 2002-м судим за хранение наркотиков (год условно), в 2005-м — уже за наркоторговлю (хранение и сбыт крупной партии) на 10 лет. УДО в 2011-м. После чего, согласно Spark, Валиев стал владельцем и гендиректором не «Синодекора», а ООО «ХакасИвол-Строй». Численность два человека, уставный капитал 10 тыс. рублей. Микропредприятие. Но именно Валиев представляет «Синодекор», когда, напри-

мер, власти инспектируют строительство Туимского ПНИ и сетуют на отстающие работы. Вторая фирма («ХакасИвол-Строй») нужна, вероятно, чтобы выигрывать торги. При этом никого не смущает, что в карточках организаций, подаваемых на конкурс, указан одинаковый почтовый адрес и телефоны. Кроме того, для участия в электронных аукционах требовалось подтвердить опыт работы на сумму не менее 196 млн, и «Синодекор» показал договор с «ХакасИвол-Строем» на 197 млн.

Как бы то ни было, обе фирмы, связанные с Валиевым и учрежденные в 2013-м и 2014-м, ничего собой не представляли до 2019-го. В том же 2019-м в республиканскую власть пришел бывший

Иван Валиев — один из королей
госзаказа, в прошлом наркоторговец

прессивным исполнением стихов собственного сочинения и плясками, которые он записывает и выкладывает в сеть под именем «Игорь Фармазюк».

ФАС возбудила дело против «Синодекора» и «ХакасИвол-Строя» о картеле и сговоре с госзаказчиком. Всего федералы на Туимский ПНИ дали по нацпроектам 0,7 млрд. Не интернат должен получиться — дворец. Однако получается в итоге все же интернат. Просто с очень высокой стоимостью квадратного метра. Куда ушла разница — рента за счет близких отношений строителей и власти? Как заведено — «транзитные» компании, обнал, махинации с НДС?

Только один пример. На счет мелкой строительной фирмы «Индустрия» от «Синодекора» падает 9,5 млн — за услуги спецтехники, что у этой организации отродясь не было. Вообще никакой. Директор и владелец фирмы Виталий Соловьев (в документах суда проходит как кладовщик в «Индустрии») к тому моменту судим девять раз — начал с 15 лет. И вскоре после зачисления на счет его компании почти 10 млн Соловьев садится в десятый. За кражу: по пьяни через забор украл красный велосипед, поставил за оградой, вернулся и зашел в незакрытый дом, там с комодом слязил два телефона, тут проснулись хозяева и его выгнали.

Наверное, он «машинально». Одновременно истории и Шуры Балаганова, получившего 50 тысяч, и тут же стянувшего в трамвае грошовую дамскую сумку, и зицпредседателя Фунта (поскольку фирму эту, похоже, лишь использовали).

Еще одна гребущая муниципальные и госзаказы компания — «Тасхыл». Директор — Олег Бурнаков (23 декабря мировой суд его дисквалифицировал на полгода), бывший замначальника следственного отдела при ОВД Аскизского района. Сел в 25 лет за фальсификацию доказательств в деле о незаконном сбыте наркотиков в особо крупном размере: получил в 2009-м три года, освобожден в 2010-м. (Поэт и танцор Ефремов в 2008-м назначен замначальника оперотдела УФСН, в 2010-м — начальник).

В 2018-м Бурнаков организовал «Тасхыл». Сумма госконтрактов превысила 100 млн — сейчас их проверяют. По одному (31 млн) — покупка детсада — решение о факте сговора с госзаказчиком ФАС вынесено.

Вместо приобретения готового здания (подо что у Москвы были взяты деньги) его стали строить — без проекта, сметы, госэкспертизы. Таковую схему — уйти от торгов на право строительства и раздать деньги правильным структурам — придумало и реализовало правительство Хакасии. В октябре 2019-го Коновалов попросил министра просвещения РФ Васильева выделить деньги из резервного фонда президента на выкуп четырех детсадов. Готов же к выкупу был один — в селе Аскиз. Остальных объектов в природе не существовало.

96 млн дали. Освоили их «Тасхыл» и уже знакомый Валиев, «ХакасИвол-Строй». В аале Катанов, в селах Табат и Арбаты. Каждый садик на 45 мест. Минобрнауки Хакасии подтвердил данные ФАС: квадратный метр в них — от 67 до 77 тыс. рублей. Это при всех недостатках (словно их не для наших детей делали, а для вражеских). В это же самое время в Абакане построили два детсада по 34 тыс. за квадрат — с кабинетами психолога, логопеда, дефектолога, муззалами, бассейнами, игровыми площадками и прочими радостями. Это даже не вдвое дешевле. Вдвое было б, если бы сравнивали два сарая, обшитых сайдингом. Но здесь разница поражает, она — на порядок.

Власти и республиканские СМИ отмазывают строителей убогих садиков уже чуть не год, найдя для этого детсады с той же стоимостью квадрата... в Красноярске. Но это примерно как сравнивать небо с землей.

Алексей ТАРАСОВ,
обозреватель «Новой»

скандал

Напомним: по делу «Оборонсервиса» Евгения Васильева была приговорена к пяти годам лишения свободы в колонии общего режима. Но провела в колонии всего 34 дня, освободившись условно-досрочно. Ущерб, причиненный ею государству, суд оценил в 647 млн рублей.

Попытка Евгении Васильевой, выступающей под творческим псевдонимом EVA, привить свои художественные ценности культурной столице не обошлась без осложнений. Открытие выставки «Весна» в музее при Академии художеств сопровождали нелестные отзывы: «позор», «конь в сенате» и «акт вандализма». Более 350 студентов, аспирантов, профессоров и преподавателей академии выступили с открытым письмом, призвав убрать работы Васильевой из стен альма-матер.

Почетным академиком (наряду с Владимиром Путиным, Юрием Чайкой, Михаилом Ковальчуком и др.) Евгения Васильева стала минувшей осенью — ее кандидатуру внес Василий Церетели, вице-президент и внук президента Российской академии художеств Зураба Церетели.

Звание почетного академика послужило формальным основанием для размещения выставки Васильевой в залах научно-исследовательского музея при академии (МАХ). Во всяком случае, так это объясняет директор МАХ Алексей Мудров. Под «произведения Евы» отвели несколько музейных залов и пространства, прилегающие к парадной лестнице. Но наибольшее возмущение вызвало размещение аляповатых полотен в гипсотеке — собрании слепков с античных памятников, пространства которой испокон веку служат студентам рисовальными залами.

— Это зеница ока академии. Таких музеев нет нигде, ни в одном вузе, — убежден архитектор Алексей Шолохов. — Нужно абсолютно ничего не понимать в методе преподавания, да и в культуре музея в целом, и быть полным невеждой, чтобы там, где только терракота стен и белый гипс, что-то еще вешать на стены. Тем более вешать такое редкое [...], как представленные веселые картинки.

Это первый случай, когда на сайте музея не указан научный куратор выставки. Арт-критик Елизавета Плавинская, продвигающая Евгению Васильеву с 2014 года, на этот раз признает за собой лишь роль «сопровождающего куратора».

— Вся эта выставка является тотальной инсталляцией, сделанной Васильевой именно для Академии художеств, именно для этой архитектуры, — пояснила «Новой» госпожа Плавинская. — Всю экспозицию Евгения выстраивала сама. Это вообще ее практика — самой все контролировать, она очень трепетно относится не только к составу экспозиции, но и к тому, что, как и где располагается. Вот в голубом зале — он стал желтенький, там монументальные желтые полотна, с включением элементов мэпинга. А здесь — медиаинсталляция (у парадной лестницы под журчащее музыкальное сопровождение мечутся по стенам, задевая крылами гениталии античных героев, красные световые птички). Ну кто еще птичек по ионическим колоннам запустит! — умиляется кураторка.

Вопрос о том, как ей результат такого внедрения в классическое окружение, и не мешает ли оно, часом, оценить достоинства творений ее подопечной, вызывает новую бурю восторга:

— Я потрясена! — закатывает глаза Елизавета. — Такое сочетание только обогащает обе стороны.

По словам госпожи Плавинской, EVA тасует и отбирает свои работы, составляя для каждого города оригинальную историю. Но экспозиции такой сложности доселе не бывало, ибо Петербург для Евгении Васильевой особенно важен: «Она всегда говорила, что самое ее серьезное, взрослое и ответственное высказывание будет в родном городе».

Елена ЛУКЪЯНОВА — «Новая»

КАЛЯКА-МАЛЯВА

Студенты и профессора Академии художеств в Петербурге выступили против выставки осужденной за мошенничество экс-чиновницы Минобороны Евгении Васильевой

Елена ЛУКЪЯНОВА — «Новая»

Воспитанники академии, вставшие в пикет у гипсотеки с портретами классиков-живописцев, ничего «взрослого и ответственного» в работах экс-чиновницы не увидели.

— Нет в них никакой художественной ценности, они не несут ни художественной, ни смысловой нагрузки, — отрезала студентка Александра. — Васильева, наверное, надеялась, что ее «шедевры» прокатят за примитивизм. Но чтобы быть настоящим примитивистом, требуется большой талант и профессионализм. А цветовые решения ее работ абсолютно беспомощны, как и попытка скрыть отсутствие смысла широким мазком.

Стоявший рядом юноша выражал свою позицию без слов, одной лишь надписью на защитной маске: «Это не искусство».

При появлении Васильевой со свитой выкрики «Позор!» стали громче.

Студентов попыталась осадить встречавшая гостей музейная дама: «Не надо кричать, надо говорить тихо, это культурное учреждение».

— Мы кричим, потому что нас никто не слышит! — парировали студенты.

Ректор академии Семен Михайловский в разговоре с «Новой» признал, что такое с его студентами впервые: «До сих пор они вообще ни в каких протестах не участвовали, но эта история задела за живое».

Как «безобразие оценил ректор не акцию студентов, а саму выставку Васильевой

в стенах академии, попутно сравнив эту историю с куда более древней — появлением коня в сенате. Ректор убежден, что, случись ей представить свои «творения» в экспериментальном выставочном пространстве вроде галереи «Свиное рыло», это никого бы не покорило.

Музей — самостоятельное юридическое лицо, его учредитель — Министерство культуры, академии он не подчиняется, и лишь размещается в ее историческом здании на Университетской набережной. Руководство вуза не вправе формировать повестку экспозиций музея. О выставке Васильевой, по словам Семена Михайловского, он узнал случайно и был категорически против — «потому что это учебное заведение, студенты тут с утра до вечера, работают в этих залах и воспитываются на том, что искусство — это большой серьезный труд, а не такое вот... что они сейчас тут видят». Но его возражения роли не сыграли. «Я предупреждал, что скандал неизбежен. Мне лишь сказали в ответ — мы вас услышали. Конечно, Евгения Васильева красивая женщина, очень правильно себя всегда вела, в том числе во время следствия и судебного процесса (ее начальник, министр обороны Анатолий Сердюков, остался в деле «Оборонсервиса» лишь свидетелем. — Т.Л.), сохранила ресурс серьезных связей.

Теперь она — начинающий художник с погашенной судимостью, живет в своем воображаемом мире, жаждет иной славы. И для удовлетворения ее тщеславия есть влиятельные друзья. Уровень их возможностей можете оценить сами: меня заверяют, что выставки не будет, а через два часа говорят — будет. То есть кто-то в эти два часа сделал один звонок».

Открытие выставки «Весна» прошло в закрытом режиме — только для приглашенных самой Васильевой. Не пустили дальше лестницы и прессу, заранее созванную на это мероприятие, — предложив погулять пару часов по улице, пока тостуемая не выйдет для пресс-конференции.

Общение с журналистами вышло непродолжительным. Евгения Васильева порассуждала о своих научных изысканиях — «всю жизнь работала в области рационального знания, теперь стало интересно, что такое иррациональное знание и как они работают на стыке». Объяснилась в любви «ко всему, что связано с Россией», выразила восхищение «нашим очень талантливым народом» и признательность за то, что сама может в России «творить».

Вопросы о том, по чьей инициативе плоды этого творчества оказались в стенах академии и на коммерческих условиях, EVA переадресовала анонимному благодетелю. Мол, есть ценители ее работ, которые берут на себя все организационные и финансовые задачи. А ее саму деньги не интересуют — она просто творец. Некий коллекционер, ранее ставший обладателем нескольких ее произведений, попросил предоставить для этой выставки работы — она и предоставила. Но раскрывать имя считает некорректным без его на то согласия. Особую благодарность госпожа Васильева выразила «всем высшим силам, которые помогают».

Присутствия высших сил на выставке обнаружить не удалось. Но среди гостей можно было видеть бизнесмена Кюрю Усманова, «коллекционера и мецената», как он сам себя позиционирует. Недавно Усманов приобрел за 400 тыс. долларов картину Дэвида Датуны «Всевидящий В.» (портрет президента Путина). Есть в коллекции Усманова и несколько работ Евгении Васильевой. Фотографии трех из них минувшей осенью господин Усманов продал на благотворительном аукционе по цене от 1200 до 1800 долларов.

**В ТАЙМЫРСКОЙ ТУНДРЕ
УМИРАЕТ САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ
НАРОД НАШЕГО КОНТИНЕНТА**

**НГАНАСАН
РАЗУЧИЛИ ЖИТЬ**

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ
ЕЛЕНА КОСТЮЧЕНКО
И ЮРИЯ КОЗЫРЕВА**

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

На берегу

Нина Дентумеевна Чунанчар сидит на берегу реки. Река зовется Авам, она широкая и серая, за спиной бетонная звезда с именами павших, перед ней — обрыв. Внизу лодки. Вдалеке дети проверяют сети. Тундра чернеет из рыжего. Снег еще не лег.

Нина Дентумеевна говорит:

— Боги наши. Сюдю Нгуо. Массовая болезнь — Сюдю Нгуо. Котура — это бог самоубийства, когда стреляются. Больше всего стреляются — вот Котура. Дэйба — ага, Сирота-бог. Бог сирот, наверно, сирота.

Богу молимся? Нет.

Ей семьдесят четвертый год. У нее было два мужа — они оба мертвы. Было шестеро детей. Мертвы — все. Четверо умерли маленькими. Маленьким пришивают крылья гуся и хоронят на деревьях. Мертвые дети превращаются в птиц.

Раньше могила ее младшей девочки была видна из окна. Потом построили дом и закрыли могилу. Потом дом сгорел, и теперь Нина Дентумеевна может смотреть на дочь, сколько ей хочется.

Дольше всех прожил сын Леня. «У него имя нганасанское было Нготезия. Это как будто бы мы с его отцом разошлись, и как будто бы я его присвоила. Вот это Нготезия называется». Ему был 31 год, когда он повесился. Повесился, сидя на полу, у железной кровати мамы.

В изголовье у Нины Дентумеевны до сих пор болтается веревка — «но это не та».

Из кармана у Лени торчали деньги — он только что получил пенсию.

Почему повесился? Нина Дентумеевна говорит: «Не знаю. Выпил, наверно».

У Нины Дентумеевны было три сестры и три брата, но теперь все мертвы.

Она живет совершенно одна. Топит печь раз в три дня, кормит мохнатых собак каждое утро. Просилась в

Дудинку в дом престарелых, но там ей отказали — «согнаться побольше».

— Не скучно вам будет в городе?

— Ха-ха! Зачем же нам сейчас тундра? Сейчас не надо.

Она последняя из своего рода.

Она нганасанка.

Нганасаны

Нганасан осталось 700 человек.

Это самый северный народ нашего континента.

Они никогда не были многочисленны. Но еще тридцать лет назад их было вдвое больше — 1300 человек.

Это потомки первобытных охотников на дикого северного оленя. Их культура по-настоящему древняя — так, большую часть нганасанского пантеона составляют не боги-мужчины, а «матери» — воды, подземного льда, огня, земли.

В самом начале XVII века русские обложили их ясаком — «налогом» из меховых шкурок. Обкладывали ясаком так: брали заложников — тех, кто значим и уважаем, а за сохранение их жизни заставляли платить. Нганасаны не спешили покоряться русским. Были восстания. Маленькому народу не хватало сил сопротивляться. Самое крупное восстание 1666 года закончилось убийством 30 русских «служилых и промышленных людей» и четырех тунгусов. Виновных повесили. В крупнейшем местном бунте двадцатого века — таймырском восстании против советской власти (1932 год, убитые оперуполномоченные, русские заложники, телеграммы «народам мира») — нганасаны не участвовали. Или участвовали, но ушли непойманными — и журналисты писали полулегенды о свободно кочующих в тундре «диких» нганасанах, неподконтрольных советской власти.

Оседлость нганасан наступила директивно. Новая власть массово и повсеместно «оседала» племена и

народы, чья «кочевая цивилизация» была «по своей природе несовместима» с идеей коммунистического общества. В 30-х для нганасан были заложены поселки — южнее, чем маршруты их кочевков, на земле другого малого народа, долган. И сейчас эти поселки смешанные — половина нганасаны, половина долганы. Русские здесь представляли и представляют власть метрополии — «мэр», участковый, фельдшер, учителя.

Нганасаны до сих пор живут в этих самых поселках — Усть-Авам и Волочанка.

Ловят рыбу, стреляют оленя.

Но рыбы в этом году нет, а олень ушел на чужие земли три года как.

Что такое Усть-Авам

Он укрыт от мира бездорожной тундрой и реками. До первого города — три сотни километров непролазного «дикаря».

Четыре улицы — Ручейная, Солнечная, Набережная, Центральная. Дома с раскрошившейся штукатуркой, залеplенные полосками жести. Жесть режут из бочек, поэтому на стенах отпечатаны бренды нефтедобывающих компаний. Четыре дома — новенькие, обитые сайдингом. Поселковые ждут, как эти дома перезимуют. Пара домов — брошенные, горелые, пустые.

Каждый дом поделен на четыре «квартиры». Квартира — комната в 13 квадратных метров и кухня-закуток. Это — на одну семью.

Канализации в поселке нет. Все нужды справляются в ведро, ведро выплескивается на улицу, подальше от крыльца.

Водопровода в поселке нет. Воду набирают из реки или берут от водовозки (50 рублей за бочку).

На берегу высятся серая школа, обитая профнастилом. Школа гигантская. Здесь ее называют «Космодром».

В школе есть вода и канализация.

Еще Усть-Авам — это мешки с углем. Гигантские белые, навалены груды у каждого крыльца. Власть раздает по 10 тонн на семью, чтоб протопиться зимой (зима здесь семь месяцев). Уголь «сеют» — просыпают через пандирные сетки кроватей. Иначе угольная пыль и «мелочь» не даст разгореться огню. Это важно сделать, пока не лег снег. Все улицы усыпаны черным крошевом.

Ходят собаки, некоторые голубоглазые.

Дома подползают к вертолетной площадке — пустому пространству с огнями. За ней свалка — «поле чудес» — и морг. С другой стороны поселок ограждает Ручей. В нем постоянно тонут люди — но сейчас вода низкая, серая, безопасная.

Дальше раскинута тундра. Холмистая, рыжая, проволочная. У поселка она густо отмечена столбиками и крестами. Это кладбище. Мы не дойдем до кладбища. На кладбище ходить нельзя.

Почему нет рыбы

Нганасаны рыбачат маленькими артелями — на реках Пясины, Авам, Дудыпта.

На реке Пясины рыба исчезла после разлива соларки. 29 мая прошлого года 21 тысяча тонн топлива вылилась из лопнувшего проржавевшего резервуара, принадлежащего «Норникелю». Еще летом «Новая» и экологи Гринпис зафиксировали исчезновение рыбы в Пясины.

С Авамом и Дудыптой, кажется, случилось иное.

Рыбаки говорят: рыба в эти реки приходит из озер, рассеянных в тундре. Весной и осенью озера соединяются ручьями с реками, и рыба выходит в Авам и Дудыпту — гулять и нереститься.

Нганасаны говорят: глобальное потепление. Весна в этом году началась на месяц раньше, быстро, ударом. Большая вода пришла и ушла почти сразу. Озера не успели оттаять. Рыба не вышла.

Летнюю рыбалку здесь описывают преимущественно матом. «Что-то» все-таки поймали. Что-то — это треть обычного улова.

Рыбу обменяли на бензин и еду.

Бензин — это тоже рыба, это охота, это свет в тундровых домиках-балках. К осени бензин закончился почти у всех.

Глава поселка Усть-Авам Сергей Михайлович Набережнев

Мэр

В квадратной белой комнате два окна. Люди сидят вокруг стола, единственная девушка в поношенной медицинской маске. По углам — красное знамя, портрет молодого Сталина, пулеметная лента и каска, иконы, кости мамонта (не ценные, труха), рога и песцовые шкуры. На уровне икон — портрет Путина. Путин смотрит вверх, на пиджаке подписано: «Северу — особое внимание!»

Глава поселка — его все называют мэром, он и сам себя называет мэром — говорит:

— Собака напала на троих. Давайте принимать меры. Люди откликаются:

— Собака кусает, она охраняет свою территорию. У нее территория в голове.

— Если собака кусает одного человека, то еще под вопросом. А если трех!

— Собак должны выводить на поводке и только в наморднике. Если по-городскому.

Собирается экспедиция к хозяину собаки. За окнами воеет и тявкает.

Мэра зовут Сергей Михайлович Набережнев. Русский, седой, с ног до головы в камуфляже, на Таймыре 37 лет. Раньше он был здесь участковым — «когда еще вокруг поселка стояли чумы». Говорит, что в мэры его «призвали». «Путин же не отказывается от поставленных задач. Вот и я не отказался».

СТРАНИЦЫ 10-11 ⇨

Река Дудыпта. Витя-Амба проверяет сети

← СТРАНИЦЫ 8-9

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

На крыльце школы

Совещание продолжается. Главный пожарный Таймыра прислал требование усилить противопожарную безопасность. Еще в поселок прилетели сотрудники МЧС — устанавливать сотовую связь. Это историческое событие. Прилетевших разместили прямо в администрации, прилетевшим нужны подушки. Мэр говорит: «Не выпустим вертолет, пока все не сделают. Скажем — туман».

Мэра в поселке не уважают. Говорят — бессмысленный, болтает. Люди уверены, что он прячет в подполе стройматериалы — главную после бензина ценность здесь. Мэру ставят в вину новую баню за мэрским домом.

Усть-Авам не имеет самостоятельного бюджета и административно относится к городу Дудинка (330 километров тундры на юго-запад). Дудинка выделяет 450 тысяч в год на стройматериалы, выдает зарплаты бюджетникам и оплачивает завтраки для детей неимущих.

Разговаривая с нами, мэр закрывает локтями документ — «список ведущих асоциальный образ жизни в поселке Усть-Авам».

В поселке живут 359 человек. Рабочих мест — 54.

Своим главным достижением мэр называет сокращение смертей до 6–7 в год — с обычных 12–14.

— Но я посчитал. Если десять отходят, а двое рождаются, как сейчас, к 54-му году поселка нашего не будет.

Оля

Вертолет размахивает лопастями — вжух, плоский круг — садится на круглое брюхо.

К касанию железных лап о землю подтягивается весь поселок.

Люди стоят на кромочке поля. Черные квадроциклы зарылись колесами в уголь.

Толпа подходит к вертолету под вращающимся винтом. Вертолет выпускает из себя людей. Устьявамцы суют в чрево свертки и кульки-посылки, пилот затейливо ругается.

Сейчас он поднимется и полетит в Волочанку — следующий поселок, потом вернется и заберет тех, кто хочет в город.

Из вертолета выпрыгивает русская девушка в серой кофте. Рыжие длинные волосы ложатся на ветер. Она озирается, вытягивает губы трубочкой.

Ее вещи — две сумки — перегружают на квадроцикл. Позже ей устроят экскурсию по поселку.

Это учительница математики, физики и информатики. Ольга Андреевна Беспалова. Оля. Она впервые в Усть-Аваме.

Ей 22 года. Она только что окончила новосибирский университет. В ее семье все учителя, теперь и она учительница.

Олю селят прямо в школе — комнатка без окна, туалет, душ. Она достает книги («Философия хорошей жизни», «Норвежский лес», «Манифест двадцатилетних»), пишет расписание круглым почерком (7:00 — йога и дыхательные практики). Цветные конвертики с письмами от друзей, на каждом подписано — «открыть на краю Земли».

Завтра — первый урок, математика. Завтра Оля обнаруживает, что девятиклассники знают таблицу умножения — но не всю.

В классе два человека — Ева и Степан.

— Прекрасная леди, можешь написать список класса?

Ева пишет три имени.

— Две трети класса пришло? Как интересно.

Оля нарядная — коричневые штаны, цветастая блузка, красная гигантская роза запутана в рыжих волосах.

— Вы помните, что такое квадратные корни? Тема урока — «значение выражения и корни». Степан, вы написали? Ева, ты помнишь, что такое значение выражения?

Размашисто пишет: $2x+4=0$

— Что является значением выражения?

Тишина.

Пишет: $24+3=27$

— Что такое 27 в нашем выражении?

Тишина.

— Ответ лежит на поверхности. Я пытаюсь установить контакт.

Степан смотрит в стол, Ева прямо перед собой. Оля ходит перед доской.

— Ответ — что это?

— Ответ — это жизненное, — говорит Степан.

— Исходя из темы нашего урока? (Тишина, тишина.) Так. Сейчас мы вспомним, что такое корни. И давайте запишем. Ручки на взлет!

Оля трогает розу в волосах.

— Ты будешь дальше учиться, Степа?

— До девятого и все.

— А куда дальше?

— Не знаю. Научился уже. Хватит уже, что ли.

— Надо учиться всю жизнь, проходить переподготовку, чтоб быть более востребованным специалистом!

Ева опирается на руку, в глазах — вселенская тоска.

— Твои умные глаза сверкают, Степан, — настаивает Оля.

Следующим уроком приходит единственная одиннадцатиклассница Евдокия, и Оля расцветает. Евдокия — лучшая ученица Усть-Авама. У Дуси выбеленные волосы и зеленые длинные ногти. Девушки склоняются над учебниками и переговариваются все живее.

— А помнишь фишку с отрицательными степенями?

— Да. Мне нравится вот это и это. И уравнения сами по себе тоже нравятся.

— Насколько ты помнишь, график — это зависимость, — говорит Оля. Она первый раз улыбается.

— И все в этом мире можно описать функцией, — говорит Дуся. — Совершенно, абсолютно все.

Неводят

Лицо Артема пересекает шрам от ножа. Он говорит, что и тело истыкано, 19 ножевых, но «Бог хранит почему-то». Он уезжал из поселка. Служил на карело-финской границе, был механиком самолетов. Не остался по контракту — «не оставили». Семь лет жил в Норильске, работал на комбинате, с гигантскими топливными резервуарами. Уехал обратно — «хвосты оленям крутить».

Говорит, что люди достали ныть, «надо жить и радоваться, а не вот это все».

Про его напарника Игоря Фалькова говорят — «Бог дар дал, а ума нет». Темное лицо проломлено внутрь,

глаза смотрят тускло. Расписывал домики-балки вдоль рек и даже рисовал картины, но перестал рисовать, когда его мама умерла.

Солнце касается тундры, и тундра загорается, затем темнеет. Артем и Игорь выходят в ночь неводить.

Невод достался Артему от отца — длинный, серый, латаный. Неводов два на поселок.

Большой рыбы в реках нет. Реки пусты. «Только налим, сучий корм».

Но ночью маленькая рыбка тугунок подходит к берегам.

Тугунка не продают и не хранят. Это пища на день. Жарят, солят, едят сырым. Жирное, сладковатое мясо.

Небо тихо гаснет следом за черной землей. Игорь ведет лодку вдоль берега. Выкладывает сетку в темную воду.

Невод хватается за кусок реки. Ребята лезут на берег, включают налобные фонари, берутся за края невода, медленно, медленно сходятся.

Кажется, что в мелкую сетку кто-то бросил горсть монеток. Рыбок туго вытягивают, с хрустом выламываются плавники.

В сетке путается ерш-шабан — бесполезный, невероятный; радужный, полупрозрачный, весь в стеклянных иглах. Его выковыривают и кидают в холодный песок — «чайки сожрут». Ерш маленький, меньше пальца. Я несу его обратно в реку. Артем хмыкает. Хватает ближайшего колючего и опускает в воду — «вдруг и мне что-то хорошее за это будет».

К полуночи небо темнеет окончательно, но берега различимы. Белый свет от поселка восходит заревом.

Артем рассказывает историю устьявского маньяка Кублакова Кости. Костя расстрелял двух парней из ружья, отлучился, вернулся, убил женщину, отлучился, вернулся опять. «Но мы ему сказали, чтоб в поселке не появлялся более. Где он сейчас, знать бы?» «Разобрать бы на органы», — говорит Игорь Фальков. Он мало говорит.

Лодка тяжело идет вдоль берега. Отталкиваясь от близкого дна, Игорь ломает весло — и начинает грести сидушкой из пенопласта.

Рыбалка закончена. Ребята правят домой.

Артем притормаживает на невидимых камнях, ориентируется в разнообразной темноте. Тычет в небо. «Вот. Полярная. Остальные шевелятся».

Когда идешь на моторе, звезды дрожат и движутся.

Ночью у поселка выставлены лодки. Поселок ловит налима, китайские фонарики на головах оборачиваются навстречу, и каждый рыбак сидит в куполе из света.

Собаки ждут хозяев на берегу, топчут лапами черный мокрый песок.

Пес Малыш — бурый и большой — встречает нас у подъема, просит рыбу и получает рыбу.

Шайтан-огонь

Шайтанами, или «койка», зовут деревянных идолов, стоящих на санках позади домов.

Шайтаны — серьезная проблема поселка.

За идолами надо ухаживать. Кормить жиром и свежей рыбой. Говорить нужные слова.

Никто больше не умеет.

15 лет назад директор дудинского национального парка Олег Крашевский, зовущий себя «белым шаманом», приехал в поселок. Он скупал идолов за пять тысяч рублей штука — «и пузырь сверху».

Говорят, те, кто продал ему идолов, прожили недолго.

За домом продавщицы Маши Бархатовой стоят пять «койка». Маша просила бабушек «помочь» — поухаживать за шайтанами.

— И как?

— Одна сломала ногу, вторая умерла. Что-то не так они делали.

Нина Дентумеевна говорит:

— Шайтаны разные, и есть шайтан-огонь. Раньше, совсем в старину, люди жили без огня. В холоде жили, ели холодную. И вот одни были, не молодые сильно, средние, дочка у них была. А больше детей не было. Молоденькая, шестнадцать лет, наверно, ей было. И вот раз утром отец говорит ей: «Дочка, иди собери вон там сухие дровишки, собери». Дочка ушла, а старуха говорит: «А зачем сухие дрова нам, раз огня нету?» Он говорит: «Огонь будет». Он был маленько как шаман, ему сверху кто-то сказал: «Если ты хочешь огонь, не только для себя, но и для всех людей огонь, ты должен отдать свою дочь». Он старухе своей сказал: «Ты сейчас пойдешь на свою санку, там сиди, когда услышишь звон бубна, тогда зайдешь». Говорит: «Огонь будет, но будет дорогой ценой». Дочку свою он сам зарезал, из ее селезенки вспых огонь. А потом он похоронил ее, а из дерева сделал ее изображение, женскую фигуру, еще сделал для нее санку, вот и стал шайтан-огонь. И огонь они давали всем, кто бы ни пришел к ним в чум, всем давали головешки, чтоб они зажгли огонь у себя.

Тепло стало в чуме, еда стала горячая.

СТРАНИЦЫ 12-13 ⇨

Артем. Берег реки Авам

← СТРАНИЦЫ 10-11

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Дети

Сторож смотрит на мобильник и звонит в медный колокол. Перемена, и дети бегут к старому зданию администрации. Сейчас там сидят коммунальщики, и там же установлен спутниковый интернет. В Усть-Аваме есть вай-фай. Подсоединиться почти невозможно, но у школьников получается.

Что смотрят? Тик-ток. Лайк. Битва Бэтмена против Пеннивайза. На экранчиках дергается иллюминированная жизнь.

Мальчик скрючился в углу, закрывшись дверью, большие наушники закрывают полголовы. Он смотрит только фильмы ужасов — один за другим. Его зовут Саша.

У школы есть детская площадка — там гуляют малышки.

Можно сходить на свалку — «поле чудес», поискать интересное. Можно залезть на Лысую гору — мягкий холм позади поселка, но надо обойти кладбище. Девочки собирают бруснику, мальчики угоняют взрослые лодки и ловят налима. Можно сидеть на берегу, пить энергетик и кидать банки с обрыва. Можно курить то, что украл, пока твои родители спят пьяным сном. Можно кружить по поселку, улица, улица, поворот. За большими увязывается малышня. Темные ночи наполнены по горло детскими голосами.

Ночью загораются бочки с мусором, дают свет. В угольной пыли чертят квадрат, обозначают углы — король, принц, валет, говно. Спорят до одури, пересек ли мяч черту. Высокая девочка грозит «напинать как следует». Мальчик верещит, что справедливости нет. Проклинает.

— Извинись!
— Она все равно не простит.
— Ради себя извинись!
— Дура тупая! — говорит пацаненок и уходит в темноту.

Другой говорит — правда, у нас большой поселок? Ну, если с кладбищем считать?

Дочь шамана

Евдокия Демнимеевна говорит: «Был такой народ — нганасаны. Выносливый». Она слепая. Темные глаза с белой точкой на месте зрачка. Она немножко различает свет.

Для нганасан жизнь начинается с глаз. Землю называют — Мать всего, имеющего глаза. Глаза даются

взаимы. После смерти они возвращаются к матери. Мертвые глаза на живом лице смотрят за черту, куда смотреть не следует.

Евдокии Демнимеевне 82 года. Ее нганасанское имя — Дюзымяку. Она дочка шамана.

На дверном косяке — черно-белая фотография: молодая женщина смотрит без привычного нам выражения. Ее не принимали в комсомол. Она хотела. Училась на звероведа — не доучилась. Участвовала в оленьих гонках

Евдокия Демнимеевна Порбина

и побеждала. В 27 лет сшила коврик из оленьего меха с космическим кораблем «Восток-2». Благодарил Родину.

Ее дом самый последний в деревне — дальше ручей, холмы, кладбище.

Она самая старая нганасанка в Усть-Аваме. Ее отец — шаман Демниме — был предпоследним шаманом нганасан. Сидел. Не вступил в колхоз. Жил не в поселке — на промысловой точке. Шаманил больше для семьи, иногда своей волей ломал мотор у лодок, которые проплывали мимо «без угощения». Вершиной его мастерства стало воскрешение утонувшего ребенка. Говорят, мальчик ожил, но у него навсегда перестали двигаться глаза.

Его брат Тубьяк Костеркин тоже был шаманом и тоже сидел. Вернувшись из ГУЛАГа, объявил, что поменял себя на Сталина.

«Он вернулся из тюрьмы в феврале и камлал около Волочанки. Там, камлая, он сказал:

— Сегодня, в этот день, вы бы не увидели меня. Когда я был в тюрьме, Дёйба-нгуо мне сказал, что, если я хочу вернуться домой, вместо себя, вместо своей головы, большого человека должен отдать, и тогда увижу своих детей.

Если бы я не отдал того человека, я бы не освободился. Отдав того человека, я пришел домой. Никакими врачами он не будет спасен.

Тогда мы дожили до марта и услышали: Сталин умер. Никто, никакие врачи не смогли его спасти».

Шаманский род не должен прерываться. После смерти Демниме дар должен был перенять внук Игорь (Нгучамяку — «никуда не пушу»). Игоря готовили. Демниме забрал его из третьего класса школы, воспитывал. Учил. Игорь не стал шаманом. «Дедушка умер, что-то не приходит. Никаких духов я не вижу. Нет никаких шаманов настоящих. Нигде нет». Жил в поселке, рыбачил, пек хлеб и раздавал даром тому, кто попросит. Был водовозом, разнорабочим. 17 июля 2012 года у Евдокии Демнимеевны был день рождения, и Игорь поехал за рыбой. Его нашли лицом в озере, мертвого.

Шаманский род — Нгамтусуо — заканчивается на правнучках Евдокии Демнимеевны. Правнучки живут в городе. «Они не знают себя».

Когда шаман камлает, ему нужен помощник — тот, кто стоит между ним и людьми. Обычно это жена или дочь. Так женщины выучивают, как говорить с духами. Евдокия Демнимеевна начинает ритуальную песню, но голос сбивается. Откашливается, говорит: «Я ведь и в Париже была у Сены-реки. Пела там ансамблем».

Ее сын Олег сеет уголь — бросает на сетку кровати, смотрит, как сыплется. Просит 600 рублей на продукты «для бабушки». 600 рублей — это цена бутылки водки в поселке.

Урок нганасанского

Нганасанского один урок в неделю, суббота. И тот чуть не сорвали — мальчик взял ручку и вычеркнул нганасанский из расписания, и полкласса поверило, разошлись по домам.

А английского два в неделю, и когда учительница Александра Сайбовна Момде просит повторить нганасанский алфавит, девочка начинает — А, В, С, D.

Третьеклашки вспоминают числительные, и учительница путается сама, 5, 6, 7 — что это, как сказать? Говорят — это моя мама, это моя бабушка. Но английские mother и granny пролезают все равно.

«А что? Английский им хоть пригодится. Сейчас старики, которые живут, уйдут и все, — говорит

Александра Сайбовна. — Эти-то за лето все забыли, чему учили их прошлый год. И дома никто не разговаривает».

Дети произносят хором: «Я — мэнэ, ты — тэнэ, мы — мынг».

Внутри нганасанского прячется еще один язык — кэйнгэирса. Он иноказательный — каждое слово имеет второе значение. На нем сочиняются и поются песни — парень признается в любви отвергшей его девушке (говорится про реку, расходящуюся в две стороны — плохую и хорошую), подруги обсуждают, за какого из братьев выходить замуж (какого песца запрягать в санку), охотники соревнуются в остроумии. Любая ошибка — грамматическая или смысловая — приводит к отмене всего высказывания и понижает статус говорящего. Какие-то из песен русские успели записать.

Невозможно поверить, что еще сорок лет назад, в 79-м году, 90% нганасан называли нганасанский родным.

Лингвист Валентин Гусев объясняет, что язык истребил система воспитания детей в интернатах. Там запрещали говорить на нганасанском, наказывали за каждое нганасанское слово — били указками, выгоняли из класса. Проклятие сработало не сразу — через поколение. И если дети 60-х еще говорили со своими родителями на родном, то их дети уже совершенно русскоязычные. Этнограф Попов пишет про языковой пуризм нганасан — заповедное, почти религиозное уважение к своему языку — и называет его одной из причин, почему пожилые нганасаны перестали учить своих внуков, растущих внутри советских школ. Искаженный нганасанский был большей болью, чем чужой, иной — наш язык во рту детей их детей.

Нина Дентумеевна иногда говорит на нганасанском с соседкой Елизаветой Барбовной. Это единственные разговоры на нганасанском, которые звучат в Усть-Аваме.

— У нас до свидания нет, можно сказать — до завтра, — заканчивает урок Александра Сайбовна. Но не произносит слово.

тов надо завезти уголь и бензин. Четвертая, последняя баржа не дошла — капитан отказался вести корабль сквозь мели, его уволили.

Закончилась мука и соль. Маша звонит Герману каждое утро, но идей у Германа нет. Вода низкая, снег близко.

Маша Бархатова, продавщица, «хозяйка» — крупная, красивая, выбеленные короткие волосы, густо подведенные темные глаза. «Наполовину долганка, наполовину не знаю». Ее предок шаман Роман Бархатов возглавлял последнее восстание против русских. Маша здесь пришла — сбежала из Волочанки, как только исполнилось 16. Ее растили бабушка и прабабушка, про детство рассказывает страшно. Пила, но вышла замуж и «вместе бросили», годами жили на северных балках — «мы вместе поднялись из ничего». За этот путь жалости в ней не осталось.

Чтобы работать продавщицей в Усть-Аваме, нужно знать все про всех. У кого какая пенсия, есть ли кредиты, кто пьет, кто охотится, у кого есть бензин, чтоб моторка вышла на воду, кто с кем в ссоре и больше не рыбачит вместе.

У Маши есть тетрадка. Там расписаны долговые обязательства устьявамцев.

Абсолютное большинство поселковых живет от долга к долгу. Пенсии и пособия привозят вертолетом в первых числах — и это время идти в магазин, закрывать старый долг, открывать новый. Пару дней по улицам ходят «сплошные зомби» — так здесь зовут пьяных.

Цены здесь ровно в два раза выше московских.

Самый ходовой товар — конечно, водка. Водку завозят второй баржой, вместе с углем, и она никогда не заканчивается. В подсобке — ящики до потолка с непривычными названиями «Деревенька», «Ямская», «Русская валюта». Бутылка стоит 600 рублей. Если с рук и ночью — тысяча. Но ночью Маша не торгует, нет.

Предьдущую продавщицу убили ночью прямо в магазине. Она жила в комнатке, где сейчас хранится водка. В Усть-Авам она приехала с Украины, с двумя детьми. Боролась с раком, носила платок. Поселок не помнит ее имени. Но помнят, что когда насиловали и убивали, она не кричала — боялась разбудить детей. Это трогает, вертолет с ее телом провожали. Она открыла на стук зна-

Маша Бархатова в магазине Усть-Авама

Магазин

— Ну продай мне, Машенька?
— Нет.
— Я потанцую. Я потанцую тебе! Попляшу! Смотри-смотри.
Женщина изгибается и притопывает. Кружится. Прыгает. Маша отворачивается.
Магазинов раньше было два. Один сгорел.
Оставшийся располагается в домике напротив школы. Гремит музыкой.
Женщина пляшет, плачет, уходит.

Магазин принадлежит предпринимателю Саламатову, известному на Таймыре сетью супермаркетов «Жар. Птица». Авамским ларьком он поставил управлять своего пасынка Германа Шаповалова. Герману тяжело.

Продукты завозят летом — баржами и зимой — по раскатанным зимникам в тундре. Но вперед продук-

когого — Кости Кублакова, авамского маньяка. Ночная торговля выгодна.

Тем, кто берет водку в долг, Маша выдает «нагрузку» — то, что не получается продать. Консервированный борщ, детский шампунь, кукурузу в банках. Сует молча. Люди берут ненужное, Маша записывает в тетрадочку.

Баржи и машины не уходят из Усть-Авама пустыми. Добытчики — охотники и рыбаки — сдают мясо, шкуры, рыбу в тот же магазин. Взамен им дают продукты. Но чтобы уйти на точку на несколько месяцев, артели набирают в долг еду, чай, кофе, крупы. За это придется расплатиться всем, что добыл. Кокошку пришилилены расценки: щука — 50 рублей килограмм, крупный муксун — 140, очищенные рога — 500 рублей килограмм. «Вот так и получается, что мы в рабстве», — говорит поселок.

Маша — самый влиятельный человек в Усть-Аваме. Куда там русскому мэру.

← СТРАНИЦЫ 12-13

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Как воспитывали нганасан

У Юрия Слезкина — в книге «Арктические зеркала» — подробно описано, как менялось отношение российской власти к северным племенам. Их статус менялся — от дикарей, откупающих заложников, до новых подданных — «младших», чьи обязанности (те же шкуры) оговаривались отдельно. С русскими их никогда не равняли — сходились на «недостаточности нервно-мозговых способностей». На рубеже веков, перед революцией, на короткое время «добрые дикари» захватили умы интеллигенции. Народники искали в Сибири «молодую и мощную землю» — неразвитую и потому неиспорченную, некультурную и потому нежливую, возможный пример для будущего русского «коллективизма», который непременно настанет. «Нравственность инородцев, — писал мыслитель Шишков, — представляет странную смесь отвратительных пороков и патриархальных добродетелей». В туземцев смотрели как в зеркало, пытаясь разглядеть через чужое себя. Публицист Ядринцев написал целую книгу о русских как о хороших колонизаторах — «не хуже испанцев и англичан».

Большевики приняли существование малых народов как вызов. Был сформирован Комитет Севера, и задача перед ним была поставлена поистине историческая. Провести племена из первобытных форм хозяйства к сияющему коммунизму, минуя рабовладение, феодализм, капитализм.

Новая власть в полной силе пришла на Таймыр только в 1920-м. В тундровых стойбищах формировались родовые советы и исполнительные комитеты. Леонов в книге «Туземные советы» (1929) описывает начало переговоров нганасан с большевиками. Нганасаны пытались выяснить, «обязаны ли мы подчиниться беспрекословно инструктору, как раньше подчинялись приставу». «Инструктор» пояснил, что не обязаны, но на первые возражения объявил: «Вы, старики, имеее в уме старый закон, богу молитесь и идете против советской власти,

если вы еще будете так говорить, то придет из Красноярска сюда солдаты с винтовками и запрут вас в железную коробку». «Мы тогда испугались и замолчали, и собрание так и кончилось в молчании».

Классовая теория о нганасан спотыкалась. Большевики искали кулаков. Но кулаков у нганасан не было. Их богатством были олени — свои и дикие. Волчья стая, болезнь, пурга могла «исчезнуть» любое стадо. Поэтому везучий оленевод страховал невезучих, расширял круг тех, кого он кормил, нанимая в помощники тех, кому не повезло.

Тем не менее кулаки были выделены и репрессированы.

Большевики запретили посылки оленей на реках — как хищнические. Домашнее оленеводство превратили в колхозное, затем в совхозное. В 1973-м обобществленного оленя подкосила болезнь копытка. Многотысячное стадо — целиком — пришлось забить.

Этот год в Усть-Аваме помнят как «чернейший».

Случайна ли болезнь? Николай Владимирович Плужников из Российской академии наук объясняет: нганасаны столетиями успешно регулировали численность и соотношение домашнего и дикого оленя. Таймыр — единственное место, где гигантские домашние и дикие стада сосуществовали. С фактическим запретом охоты нганасаны перестали следить за маршрутами диких стад, что ослабило всю популяцию и привело к исчезновению оленеводства на Таймыре.

Вместо забитых подчистую оленей большевики открыли госпромхоз. Охотники сдавали меха, мясо и рыбу — «советский ясак», женщины шили из шкур обувь и сувениры.

Госпромхоз пережил Советский Союз на десять лет и закрылся в 2000-м. Так капитализм наконец пришел на земли нганасан.

Вместе с ним пришли странные смерти.

Котура Нгуо

Евгений Чуприн выехал из Усть-Авама 9 апреля. Полярная ночь закончилась. Он ехал к жене

и к дочери в Дудинку. Ехал сам. Сани, привязанные к снегоходу, богато нагрузил оленем.

«Опытный был охотник, не рыбачил практически. Тундру знал хорошо. Мог с закрытыми глазами ехать».

«Так-то добытчик хороший, да и по дому все делал. Мужскую работу. Спокойный был, ни с кем не ругался, не дрался. Не слышно было, чтоб он нашумел или кого обматерил. А по-долгански не умел разговаривать. Наш папа выйдет, с ним разговаривает. Тот — хоть бы что! Ничего не понимал. Встанет старик, отойдет от него — ни черта не понимает! И внимания не обращал, хоть что про него говоришь».

«Первую добычу всегда старикам раздавал. Такой обычай — старикам, немощным, одиноким женщинам. Следующая охота на себя».

Чуприн доехал вдоль реки до стойбища Кресты — там, где заледеневшая Дудыпта соединялась с заледеневшей Пясиной. Попил чаю. Выехал от Крестов в сторону города. И тут настала пурга.

Говорят, в ту пургу в поселке не было видно домов. Говорят, снег был мокрый и мгновенно образовывал наледь.

Чуприн продолжал путь.

Его снегоход сломался.

Чуприн попытался пешком вернуться в Кресты. Подошел близко. Но забрал вправо, не вышел к домам. Замерз.

«Это чисто нелепая смерть, — говорит мэр. — Собрались на следующий день ехать искать, и пурга. На три дня пурга. Пурга кончилась, хотели вертолет — теперь в Дудинке пурга. Потом летали, искали там, где примерно он мог быть. Искали около Крестов. И почему не увидели снегоход? Не могу сказать, почему. Километра 2–3 стороной пролетели».

19 апреля Чуприна хоронили в тундре за поселком. Разделанный олень, которого он вез жене и дочери, пригосудился на поминки.

Смерть Евгения Чуприна — это хорошая смерть, про нее здесь любят рассказывать.

Про остальные — нет.

Как выглядит смерть в поселке Усть-Авам? Каждый год здесь умирают шесть человек. Одна из этих смертей — естественная. Двое или трое замерзают или гибнут по пьяни. А двое или трое — убивают себя. В поселке на 300 человек происходит два самоубийства в год.

Обстоятельства вызывают оторопь.

Отец семейства. Позавтракал, пообедал, повесился.

Муж уехал в город, не сказав жене, жена повесилась.

Отец и сын вместе выпили, разошлись по соседним комнатам. В какой-то момент отцу кажется, что сын сидит слишком прямо. Отец подходит и видит, что сын не сидит, а висит.

Тундровик сплавлялся по реке, сломался на лодке мотор. Попробовал завести — не получилось. Застрелил себя, истек кровью.

Самоубийства не вызывают здесь ни размышлений, ни чувствования. Они есть в каждой семье. Они обыденны.

Галина Дуракова рассказывает, как потеряла мужа, с которым прожила 14 лет.

«Тем летом, июнь, да. Повесился. Не знаю, из-за чего. Утром вроде нормальный был. Спокойно все утром. Днем уже... Я пошла в гости. Пришла... ну, позвали меня. Галя, говорят, иди домой быстрее, там случилось. И врач побежал, участковый побежал. Пришла, его уже сняли с петли. Было ему 45. Трезвый совершенно. Ну так, выпивал, но он не пил в этот день. Даже и не говорил ничего. Трое детей у нас. Две девочки и старшая девочка не от него, от другого мужа. Тот тоже у меня погиб, утонул».

Единственная, кто пытается выговорить потерю — Татьяна Ткаченко. Таня сирота. Ее старшая сестра Людмила Попова растила ее, как мама. Четыре года назад Людмила убила себя. Похоронив сестру «по-нганасански» (с закрытым лицом, перешагнув через три огня на пороге дома), Татьяна обратилась в христианскую веру. «Потому что мне потребовался ваш Бог».

Она не говорит про самоубийство — не принято, но пишет стихи, «которые немногие поймут». «Хочу я закричать, чтоб все затихли! И чтоб ответ дала ты мне... За что, за что и почему ушла? Оставила сыночка своего. А говорила — сильно любишь. И вырастет сыночек твой, и спросит у меня: Где ж мамочка моя? А мне все больно, молчать и врать. Я говорю: жди, скоро придет. А он и ждет, но понимает сам...»

Сына Людмилы зовут Саша. Теперь Татьяна растит его вместе с двумя своими. Саше только что исполни-

лось 11, из города заказывали торт. Саша бесконечно смотрит ужастики.

Мы уже видели его у бывшей администрации, забившегося в угол в больших наушниках.

Татьяна объясняет: «Просто это страх у него, фобии. После мамы началось. Он сидит за компьютером, бьвает, он не хочет смотреть, но все равно хочет победить свой страх, смотрит этот фильм. Первое время он мне писал записки, сердечки вырезал. Рисунки, маму на небесах. И пишет мне: «Таня, я вас люблю». И подкидывал мне в косметичку. А я начинаю его обнимать, целовать, и он стесняется как будто бы меня. Саша думает, что мои ребята ревнуют, думает, что мы его недолюбили как будто. Мы всех детишек любим. Сейчас у него это прошло с записками. У него еще было — как будто бы он в другом мире. Начинает стрелять, падать вот так вот, и даже мог в школе встать и как будто стреляет, уходит. Как в игре».

...Маша Бархатова кричит вслед покупательнице: «Вот и иди! На водку находишь денег, а на курево и на еду не находишь!»

— А много самоубийств в поселке?

— Больше. В Волочанке, в Усть-Аваме больше суицидников, чем собственных смертей. Ломаются люди, молодежь вообще ломается, больше среди молодежи умерло суицидников. Сейчас же работы нет, ничего нет. Вдаль смотришь — пустота.

Вот Вася умер, повесился весной. Из тюрьмы пришел, пожил-пожил, похулиганил-похулиганил, никто заявлений не написал, пришел домой и повесился. Пожалели его — никто не стал заявления писать — а он и повесился. Наверное, хотел, чтобы посадили опять. Там-то хоть что-то, и еда вроде есть. Тут за свет же надо платить, за еду надо работать. Еды нету, работы нету, денег нету, чтобы свет не отключили, папа пьяный все время, родня пьет, родня не помогает, не принимает, и все. Мы, как могли, помогали, не захотел этой помощи — все.

Андрей Сотников. Тот вообще непонятный случай — повесился, вроде все у него было, и оленей стрелял хорошо, охотником был. Там из-за мента вроде, хотел оружие отобрать. Ага, а чем кормить семью? Чем питаться? Он только этим способом и зарабатывал.

Кто сильнейший — выживает. Кто сломался — уходит. В городе вон сколько наших местных спились. И померли. Некоторые до сих пор — без вести пропавшие. Не умеют в городе жить половину народа. Тут как:

пошел — сосед дал соль, сахар, а в городе — у кого ты так попросишь. Половина в тюрьмах, половина — без вести пропавшие.

У нас хоть легче, мне кажется, здесь.

— Чем легче?

— Выжить в поселке. Тут квартплата маленькая — 200 рублей, 300 рублей. В городе ты квартиру оплати, а тут квартира бесплатно, ты только за свет платишь. Садик тут — 300 рублей, а в городе 6000—12 000, потому что там все условия. Тут поехал — поставил сетку, а на материке не поставишь сетку, разрешения нет — штраф. Где ты возьмешь на этот штраф деньги? На материке надо разрешение даже на шуку. Там даже на зайца убили. На материке чужие люди, никто ничего просто так не даст. Если здесь вырос, тогда, может, выручат, а если туда поехать жить — там тяжело жить будет.

Я в интернате работала ночной няней, и там дети растут при живых родителях, и вот дети все говорили: «Мы туда пойдем, мы туда пойдем, там учиться будем». И кто из этих детей, моих воспитанников, где? Только два человека нормальные, остальные все спились. Все в городе упали. Была одна такая семья, у них родители жестко пили, страшно, насильовали, папа их продавал, сам папа целки им сломал, девочкам. Хотя он нганасан чистый. Девочки в город переехали, там он начал их продавать, а девочки ходили на кладбище на родительский день, собирали продукты. Там на кладбище же конфеты ложат. Они туда кушать ходили, бомжевали, а родители пили. А сейчас из этих детей только одна боллее-менее, но ее муж держит, она родила. Одна сгорела пьяная, другая без вести пропала, брат их умер. Климат не подошел, видимо.

У Маши в городе повесилась младшая сестра Оля — но сначала отпраздновала новоселье и день рождения.

Мэр говорит: «Мы сократили смертность с 12—14 человек до 6—7. И то, я считаю, что 6—7 много. Вот два человека — это нормально, без этого, естественно, не деться никуда. Самое страшное, что молодежь. На десять мертвецов у нас один старик, который умирает по старости».

Сотрудница администрации Галина Туркина бежит попить на реку каждый раз, когда ее поругает мэр. «Опускает лицо в воду и булькает». — «А зимой?» — «А зимой не бегают».

СТРАНИЦЫ 16-17 ⇨

Сгоревший дом. Поселок Усть-Авам

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Марьяна

Из поселковых самоубийц выделяют Марьяну. Ей было 27. Говорят, она была красивой — но фотографий не сохранилось. Она погибла 19 января 2017 года. Общее мнение — Марьяну довел мэр.

Ее мама Роза Тимуровна ходит по поселку — красная шапочка с ушками, слезящиеся глазки, крохотное личико. Ей наливают. Она не приглашает нас в дом — в нем нет стекол, окна затянуты пленкой, как предположить, что внутри?

Роза Тимуровна говорит: «Вот она с садика пришла, ребенка забрала. А я думаю — ну чего она такая грустная? И больше не видалась». Говорит про мэра: «Я с ним не разговариваю!» Говорит: «Мэра надо убирать».

Покружив по поселку, Роза идет по общему маршруту — просить водки в долг. Маша отказывает, и Роза безропотно выходит из магазина. Маша говорит ей в спину:

— Сколько жалела ее. Дочка умерла — я и похороны оплатила, жалела ее, дурочку, а она плевала в меня, неблагодарная. У нее же пенсия маленькая, государственная. Дочка у нее хорошая была. Марьяна. Хорошая была, но пила, мне жалко ее было. Девочка веселая, никогда

не унывала, танцевала, а решили ее ребенка отобрать. Она и повесилась. В трезвом виде. После этого в поселке перестали отбирать детей.

Так-то несколько раз у нее отбирали — пытались отобрать, она пугалась сильно. По поселку бегала. Я не знаю, что к ней пристали, это у других надо было, действительно, отбирать. Она никогда не попрошайничала, у нее и муж живой, хорошая она была, хотя она выросла всю жизнь вот в этом всем. Даже телефон у нее был! Другие же пьют — все пропивают. Марьяна, хоть и пила, своему сыну по интернету заказывала все. Она хорошенькая была, и на маму злая не была, хотя та всю жизнь пила.

Должно было быть собрание поселковское. Решили, что надо сделать собрание по ее поводу. Кто знал, что она решится на такое? Она взяла веревку и в старом доме, где они раньше жили, повесилась. Прибежал на собрание сын, сказал, что мама пошла с веревкой туда. Папаша побежал, но уже поздно.

Мэр говорит:

— Участковый инспектор собирает материал. На злоупотребляющих спиртными напитками. Предварительно обращается в совет профилактики, совет готовит характеризующие данные. Если человек

пьет, за детьми не смотрит — отправляет в опеку. Опека в течение года ведет как бы наблюдение. Составляет план работы, школа подключается, больница, участковые, администрация. Если они продолжают пить, не справляются, опека направляет документы в суд. Суд принимает решение, лишать родительских прав или нет. Из 100% в 50% суд обязует нас заниматься воспитанием. Оставляет детей в семье.

Суд считает, что люди могут исправиться. Мы их исправляем. Никого это не пугает. Очень многих не пугает вызов в суд. Они там просят — ой не надо, не надо, судья идет навстречу, и семья становится нормальной.

По Марьяне суда не было. Опека приняла решение направить материалы в суд. Я подговорил нескольких человек, ну, как это делается? Что выступлю я, скажу — да, было, пила. В настоящее время не пьют, все нормально. Давайте просить отдел опеки продлить период наблюдения еще на полгода. Просим опеку не направлять материал в суд, а продлить срок наблюдения за Марьяной для проведения воспитательной работы. Все, мы были готовы к этому, идем на собрание, я иду на собрание, мне говорят — повесилась.

А объявление о собрании было такое. Такие-то вопросы, и один из вопросов — рассмотрение информа-

Роза Тимуровна

Маша Бархатова и Илья Турдагин с сыновьями. В Усть-Аваме только что появилась мобильная связь

ции отдела опеки о ненадлежащем воспитании ребенка Костеркиной Марьяны Александровны.

У меня с ее дедом — Костеркин Тимур — очень хорошие дружеские отношения были. Коммунист, хороший. Я эту семью, вот сейчас, чем могу, мать ее, Роза Тимуровна — стараюсь в какой-то мере чего-то сверх того, что я могу, еще чего-нибудь. У нас была программа «поселок — наш дом», и Марьяна работала, благоустроивала Усть-Авам. Она очень хорошо работала. Она выполняла роль секретаря, сидела на компьютере. Она мне как помощница была. Она мне такой порядок навела, сделала список поселковый. Человек грамотный. Потом был один момент — она избила свою мать. Избила сильно. Когда протрезвела, мы с участковым ее пригласили в кабинет участкового. И она вот там сказала — я повешусь. «Марьян, у тебя ребятишек. Ребятишек Алешка».

И у меня с ним хорошие дружеские отношения. У меня от внуков, внуки подрастают, то машинка останется — ему в детдом несуд, шоколадку как-то.

Иду в Дудинке года два тому назад. «Дядя мэр!» Меня все мэр. Я оглядываюсь, смотрю — Лешка, за ним воспитательница, я ей говорю — да не бойтесь, не беспокойтесь. Мы с ней переговорили. Я говорю — даю тысячу рублей, купите торт на всю группу. Она взяла. Пацаненок очень хороший. А Сергей, муж Марьяны, специалист на все руки. Все практически умеет. Но — как только стакан увидел, как зашел в магазин — взгляд только на водку. Он говорит — Сергей Михайлыч, пить брошу, заберу Алешу. Я ловлю пьяным — Сергей, ты мне слово дал! «Все, все, больше не буду». Уже три года Марьяна погибла. Алеша все в детском доме.

Естественно. Все сразу — ах! Виноват мэр. Мэр виноват, что она повесилась. Что они пьют, виноват мэр, да? Попробуй я запрети водку.

Водка

Водка появилась здесь вместе с русскими. Казаки, принимая дань шкурками, выставляли хлеб и водку. На водку и «государевы подарки» — олово, масло, табак — приманивали кочевых, которых надо было «объясчить» — гнаться за племенами по тундре было невозможно.

Позже, когда в Сибирь пришли первые коммерсанты, купцы переняли тот же обычай. Слезкин пишет: «Надлежащим угощением была водка, без которой не могла состояться ни одна коммерческая сделка, — как из-за страстных настояний звероловов, так и из-за трезвого расчета купцов. Торговля спиртным теоретически была незаконной, но практически — повсеместной». Путешественник Поляков в 1877 году писал, как происходила торговля в низовьях Оби: «Дайте сначала остякам по чашке водки хорошей — даром; первую бутылку — за 1 рубль; две вторые, наполовину с водой, — по полтора рубля за каждую; следующие три бутылки чистой воды по два рубля, и остяки уйдут совершенно пьяные». Сибиревед Шашков указывал: практически все туземные охотники, рыболовы и оленеводы были в долгу у торговцев, так что каждая сделка представляла собой выплату долга, новую ссуду или часть отношений найма. Товары продавали втридорога, часто «негодные», в уплату брали рыбу, шкуры, мясо. В обмен на обеспечение туземцев и выплату их дани купцы имели исключительное право на всю их продукцию и арендовали большую часть их угодий. На Енисее купец Кобачев официально просил правительство легализовать подобную ситуацию и предоставить ему исключительные права на весь Туруханский район. Кобачеву отказали — земли, реки и сами племена принадлежали Российской империи.

Связь!

Гигантскую антенну отковыряли от здания почты и привинтили к клубу. Трое русских в окружении зевак днями колдовали над углом, искали спутник. Ожидание связи с внешним миром нарастало в поселке постепенно, пока не начало переливаться через край. Люди заказали из города SIM-карты, их передали вертолетом. И устьявамцы ходили, поглядывая в экранчики.

Это случается в среду, в 22:20. Между домами проносится вопль.

Люди кричат и смеются.

Связь раскинулась по всему поселку, но все привычно выходят к старой администрации. В темноте светятся лица, обращенные к телефонам.

Звонят друг другу. Сказать нечего, кроме восклицаний. Девочка по громкой связи просит отца положить денег на счет, и оба смеются.

Распространяется слух, что Илья Турдагин — муж Маши Бархатовой — положил своим детям по пять тысяч на мобильный телефон.

Налимы

Четыре женщины забираются в одну лодку, лодка качается, женщины смеются, усаживаются, самая низенькая с разбегу толкает борт, песок скрипит. Все остальные уже выехали, река уже полна фонариками и голосами, солнце зашло, но тут выясняется, что кто-то забыл грузило, Ксюша забыла грузило, Ксюша, ну что же ты, ладно, давай позвоню! И медсестра Юлия Степуненко звонит мужу и говорит: вези грузило к реке. Звонки еще в новинку, и когда Юля звонит, все замолкают и вслушиваются.

Женщины охотятся на налима. Налима здесь не уважают, отдают собакам или варят из него основу для ухи, но собак тоже кормить нужно. А место женщин на реке уже занято, там стоит на лодке мрачный одинокий парень, его обсмеивают, но правят дальше, дальше от поселка, и вот она, свободная река.

Бросают «якорь» — мешок с камнями. Свешивают охотничьи орудия. Палки с привязанными крючками,

у одной — сетчатое ведро. В ведро накладывают подвешивающие внутренности прежних налимов. Юля трясет требухой: «Чтоб ко мне пришли, а не к вам».

Обсуждают мужей. Обсуждают детей. Котя еще не закодировался. Говорит, я не так много пью. Зина на работу устроилась в Волочанку. Ловись, рыбка, большая-пребольшая. Справку о доходах, что я малоимущая, чтоб ребенок питался бесплатно. В ларьке закончилась мука — худеть же будем.

Ксюша делает селфи на фоне темной воды.

Зависают в телефонах. Река течет вдоль и мимо.

— Боря взял третье место!

— Чертова дюжина?

— Нет, у Лолы.

Нищий Усть-Авам играет в WhatsApp лотереях — Чертова дюжина, Зеленая миля, Riffley money. Деньги переводятся на карту, и каждому игроку присваивается номер, потом объявляются победившие. Первое место — целых 120 тысяч, но никто из знакомых не выигрывал. Почему?

Зато Боря выиграл десятку, и женщины по очереди звонят Боре и требуют, чтоб он положил денег дочкам на телефон.

Женщины взволнованы. Они тоже хотят играть.

— Скажи Олеся цифру!

— Потом я виновата буду.

— Ох! У меня, ***, сорвалась!

Ксюшу завтра зовут в школу — новая учительница просит рассказать сказку на родном языке. Но Ксюша совсем не говорит на родном.

— Да ладно, скажи что угодно! Кто там будет-то?

Учительница русская и молодые, которые не понимают.

— Последнюю тысячу поставила, — говорит Олеся.

Юля рывком достает рыбу, прижимает к лодке, бьет по голове. Рыба медленно вытягивается, затихает.

Юра-художник

Дизельная — сердце поселка. Электричество — жизнь. Три цистерны обклеены датчиками, гнутся трубами, масляная зеленая краска, перемальвающий шум. Высоко — две нитки с лампами, лампы светят белым прямо в бетонный пол. «Подогреватель охлаждающей жидкости включать за 3 часа до запуска двигателя!!!»

Перед машинным залом — крохотная комнатка с желтоватыми стенами, стол с чашками, чайник, кусок трубы под пепельницу, чай.

Парень в синей спецовке горбится над листком. На листке встает тундра.

Он проводит синим сочно через лист. Маленькими штрихами трогает небо, и пятна превращаются в воздушные движения. Он не задумывается. Добирает красной краски. Шестнадцать квадратиков акварели становятся речкой, быстрым лесом, воздухом над ними. Рыжая тундра пульсирует, серые тучи на секунду загораживают свет и двигают тени по земле.

Юра Костеркин — дизелист Усть-Авама. Его жена Бэди (хотели Бетти, но паспортистка не знала, как пишется) в детском садике учит с детьми названия фруктов. Фрукты в поселке бывают зимой, зима не скоро.

— Что вижу часто — то рисую. Здесь получилось у меня лето. Лето уже уходит, скучаю.

СТРАНИЦЫ 18-19 ⇨

Бэди, Юрий и Юлиана Костеркины

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Он создает воздушную перспективу. Прорабатывает полосы на воде, и река становится опасной.

Обычно он старается не рисовать на работе. Он рисует с 5 до 9 утра, когда жена и дети спят — на лежаках, на полу. У них 13 метров на пятерых, и Юра уходит в закуток, который называется кухней, включает «Многоточие» в наушниках.

Он нигде не учился. Точнее, после школы поступил в художественный колледж в Дудинке, но его оттуда попросили уйти через полгода — «раздолбайничал, гулял». «А Бэди как раз беременная была, вернулся к ней».

Он никогда не подписывает работы — «я и так помню». Раздаривает, оставляет у друзей. И вот теперь, когда московский фестиваль попросил привезти диких акварелей, их недостаточно. Пришлось принести краски в дизельную.

Три птицы, одну немножко ведет ветром в сторону. «Что-то живое».

На один рисунок у Юры уходит полчаса. Смена длится 12 часов. Дневная, ночная, двое суток отдыха. «Заправляем, следим за датчиками — либо заглушить дизель, либо выключить. Давление, вольтаж, частота. Уровень топлива — подливаешь солярку постоянно.

А если разбирать, ремонтировать — весь в мазуте». Пять дизелистов — два молодых, три старика. «Работа не бей лежачего», стабильная, лучшая в поселке.

— В первое время голова болела. Грохот. Прихожу домой, начинаю кричать.

Он работает пятый год. Раньше пьянствовал. В поселке Юру спрашивают:

— Почему ты не пьешь?

— Потому что не умею.

— А ты научись.

«Я пил в Дудинке с ребятами. Пять дней был отпуск, и я все пил. За пять дней три раза в милицию попадал. На четвертый день и пить не хочется, просто забыться чтоб. Уже радости нет. Бэди меня забрала на квартиру. Постирала все вещи, чтобы я не ушел. А очень хочется выпить. Надел мокрые джинсы, иду к двери, она закрыта. Бэди говорит — я с тобой разведусь, если ты уйдешь. Я говорю — давай ключ. Она ничего, дает, я к двери — а дверь не открывается. Не могу открыть. Я суеверный, что дверь не открылась. Не просто же так все. Поехал в Норильск, закодировался».

«Отношение к непьющим тут у нас не очень. Говорят, гордый стал».

«Она, наверное, спасла мне жизнь».

Поход

Тундра почернела за несколько дней. Снег все ближе.

Дети сразу разбредаются и начинают есть ягоды.

Мажут сине-красным круглые щеки.

Мальчик залез на разлапистую лиственницу, кричит, не может слезть.

Детей строят. Дети поделены на команды. Одну из команд называют МТС — в честь связи в поселке.

Учительница из Хакасии объявляет: сейчас будем проверять, как вы знаете целебные растения своей родины. У вас 15 минут, чтобы найти и принести из тундры ценное.

Дети рассеиваются по кустам. Кусты волнистые, серебряные, цепляют за ноги, плохо прячут.

— *** , интернета-то нет!

Дети, укрывшись в ветках, судорожно гуглят про целебные растения Таймыра, руки с мобильными вытягиваются к небу.

— Голубика от головной боли, — говорит девочка учительнице. — От груди, от кашля. Лиственница — она от кашля, при бесплодии. Мох — от ангины.

Елисей

— Оляха при заболеваниях почек, — говорит учительница. Она тоже гуглила, но заранее, в поселке. — Шикша, или водяника, — мочегонное средство. Брусника — содержит бензойную кислоту и враг всем гнилостным болезням нашего организма. Багульник — ядовитое растение, его убери. А если ранишься, прикладываешь мох, чтоб остановить кровь. Так делали ваши предки.

Жарят шашлыки из оленя. Играют в «картошку», и рыжая математичка Оля постоянно оказывается «картошкой». Идут к поселку вдоль реки. Река синее и рябится так, что больно глазам. Одиннадцатилетний Елисей со шрамами вдоль виска тащит ни разу не прозвучавшую гитару. Старшеклассницы тянутся в хвосте, руки в карманах, одна показывает мне язык.

Евдокия

Единственная одиннадцатиклассница поселка Усть-Авам Дуся Безруких сидит в комнатке на голом матрасе. За окном темнеет. Дверь открывается, заглядывает маленький колобок — племянник Сева.

- Иди отсюда, дурак, — говорит Дуся.
- Телефон дай!
- Нету у меня телефона. Все, не беси меня.
- Мне телефон нужен!
- Все, иди отсюда.

Сева выходит, но остается за дверью, дышит горестно.

Дуся говорит:

— Я родилась в городе Дудинка, мне семнадцать лет. Живу в поселке Усть-Авам. Как у нас сгорела в 13-м году старая школа, нас отправили в город учиться. Вот только в том году я опять сюда только прилетела.

В интернате было весело. Много знакомств завела. Пять лет жила в городе. Охота в город теперь. Хочется куда-нибудь подальше, в Красноярск. В Москве-то скучно, говорят. Город скучноватый.

Здесь делать нечего.

А в том году мы почти и не учились. Дорог у нас нету, и учебники так и не привезли к нам в десятый класс. Учителя из интернета брали примеры, а интернет слабенький. Только в начале следующего года привезли книги по зимнику на машинах. А потом настал коронавирус, карантин. Иди отсюда, Сева, к тебе бабай придет ночью.

- Как он меня увидит?
- Я же не слепая.
- Я хочу телефон.
- Нету у меня телефона.

Одной быть в классе хорошо. Наоборот, лучше, когда учитель на тебя только внимание обращает. Из семнадцатилетних в десятом классе есть девочки. У них не получилось, не фартануло в девятом классе сдать экзамены. В тундру ездят, но это пацаны, а девочки поступают в колледж в дудинский. Так мало кто сюда возвращается. Уехать, да. Что здесь, ну? Возле клуба тусуются, по центру ходят.

Я подседа на драму, драмы любила, прям вообще не могла без них. Я «Наследников» начала. Это корейский сериал. «Обитель зла» нравится. Фильмы про зомби. Не люблю читать. Делать нечего здесь. Домашние дела и все, больше заниматься-то и нечем.

На Новый год весело, все прилетают. Пьют, куда деваться? У нас в семье только на Новый год шампанское одно. Тьфу-тьфу-тьфу. Алкоголь я пробовала. Но здесь даже это, пить неохота. Как-то здесь стремно, скучно здесь. Что ты там кушаешь?

- Клубнички, — говорит Сева и показывает конфету.
- Закрой дверь. Иди отсюда, Сева.
- Ты хотела дать телефон.
- Иди в попу.
- Я его везде искал, его нет.
- Сева, ты сейчас больше не придешь сюда.

А учеба. Ну надо же, чтоб отсюда выбраться, учиться. Я так не хожу на улицу. Я наш поселок так плохо знаю, население. Некоторые там на одно лицо как будто бы у нас.

У меня, слава богу, голова на месте. Встретаться с кем-то — точно нет. Да ну, это же поселок! Им все равно, они же даже не учатся, они будут здесь торчать. Что с них можно будет взять? Я с нашими не так хорошо общаюсь. Что-то меня не тянет. Вот в интернате, когда я там жила, я там лучше всего даже с другими общалась, чем с нашими устьявскими.

Я еще не решила, кем я буду. Так, может, на инженера. Такие профессии, которые ближе к математике. Я через десять лет, это сколько будет? 27? Старой буду, колени болят, спина болит. Да шучу я. Работа там будет какая-нибудь. Лучше всего, конечно, офис. Буду бумажки заполнять, и все. Зато ходить не надо, бегать. Замуж не пойду, рожать не буду. Может, из детского дома возьму. Зачем рожать?

- Дайшь мне сейчас, я уйду.
- Не дам я тебе телефон. Иди гуляй.

Но мама пока еще не хочет отсюда уезжать. Не знаю почему.

Тундра? Я-то летом здесь не могу жить из-за комаров, а еще и в тундру. Не-а.

Имя мое мне не нравится. Так привыкла вроде, но когда кто-то спрашивает, неудобно говорить свое имя. Мне нравится Александра.

Дискоотека

**Зеленые вспышки, красные вспышки.
«Звук поставить на всю! И соседи не спят!
Кто под нами внизу! Вы простите меня!»
Диджеет старшеклассницы, ставят из «ВКонтакте».
Иногда песня прерывается почти сразу —
не нравится, включают следующую.**

В углу топчутся подбукнувшие мужики в камуфляже — тундровики, вернулись с реки, гуляют. Улыбки перечеркивают лица, большие руки гребут горячий воздух.

Выбежать, отдышаться. Забежать обратно! Выбежать снова. Шушукующая темнота в предбаннике. Под высоким фонарем паркуются ребята на квадроциклах, сидят картинно.

В зале образуются три круга — тундровики, дети, взрослые.

Учительница Оля отплясывает со взрослыми. Сегодня мальчик ей сказал — вы приехали сюда деньги зарабатывать, за что мне вас уважать. Она говорит — накоплю денег и уеду с подругами в Грузию, увижу горы. Ее сторонятся, дети исподтишка снимают на телефон. Ей совсем невесело, и она быстро уходит.

Дети толкаются в танце. Крохотная девочка дергает Еву за волосы, и Ева обещает ее убить.

Перед клубом дерутся две девочки лет одиннадцати.

Толпа науськивает, но драка уже иссякла. Одна кричит звонко: «Мартышка!» Вторая встает с земли, отряхивается от угольной пыли и орет: «Сама мартышка со свалки!» Мальчик говорит рассудительно: «В ссоре все проявляется». Девочка плачет: в нее плюнули. Другая гоняется за мальчиком Сашей — он тоже что-то не то сказал.

Замечают меня. «Русская, русская!»

Дети расходятся.

В черных домах горят окна, темнота спустилась с Лысой горы и залила поселок. Мэр мечтает довести число фонарей до 15 и поставить в Усть-Аваме банкомат.

Дикий крик. Кричит женщина. Ее речь собрана из мата, в ответ ревет мужик, а второй увещевает обоих, тоже матерком.

Из соседнего дома по стеночке выбирается бабушка, ей орут втроем: «Спать пошла!»

Через некоторое время я различаю, что случилось. Мужчина забыл у женщины очки и просит очки вернуть.

← СТРАНИЦЫ 18-19

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Угарная

Поселковые приписывают друг друга к промысловым точкам, чтобы получать «кочевые» — пособие «ведущим традиционный образ жизни», государственный откуп за колонизацию. Сейчас это 6 тысяч рублей.

Но сколько тех, кто на самом деле живет от тундры? Точка Угарная в 50 километрах от Усть-Авама, три часа лета по рекам, по холодной воде.

Тундра мелькает мультиком, ветер хлопает по одежде.

Круглоголовый Костя-Котик везет работника на точку — подрядил соседа на осеннюю рыбалку. Помощники так-то не нужны, «нанял, чтоб не спился».

Их лица в лодке совсем другие. Расслабленные, собранные, точные — как будто ты именно там, где хочешь, и делаешь то, что знаешь. У нганасан есть глагол «аргишить» — двигаться караваном санок следом за оленьим стадом. Раньше аргишили все. Они жили в вечном движении, и мы остановили его.

Заяц бежит низкими кустами. Птица падает отвесно. Котик молча ведет рукой — вот плеснула рыба, вот

чайка нависла над сетью, вот здесь день назад прошел человек.

У воды Костю встречает Леха — младший брат, главный рыбак Угарной. Лехе 32 года, но он всем рассказывает, что 29. Стыдно, что взрослый, а ни жены, ни детей. В поселке над ним посмеиваются — он смотрит «Слепую» по ТВ3 и соблюдает телеприметы. Он говорит про поселковых: «Балаболы. Рюмку поднимать легко, а уголь тащить тяжело».

Он единственный из встреченных мной молодых, кто держит нганасанский во рту. Он не говорит — не с кем, но знает слова — двести слов, и повторяет: «колы — рыба, кобтуак — девушка, лапсэкэ — ребенок, туй — огонь». «Кодюму тэйнгу? — спрашивает меня. — Жених есть?» Смущается.

В реку Угарная не заходит вода из Пясины, и это счастье — майский разлив солярки Угарную не задел. Костя говорит — Пясины все. Рассказывает, как ехал в город моторкой и видел на мелях мертвую рыбу, лежащую ковром. «Телефон сел, а то были бы вам доказательства».

Единственный дом, черный, широкий, стоит на высоком яру. Раскидистая русская крыша, полосы жести вдоль стен, рядом чумик — влить рыбу. Под

ногами бесятся два щеночка. Перед домом высокая белая трава, в траву опущена синяя железная лодка. У горизонта ветер несет стаю птиц, и птицы кажутся брошенными бусами. Из-за дома вытекает Угарная и вливается в Дудыпту. Вода поднимается третий день, мутная, бурливая, сетки грязнятся илом и рыба видит сеть, уходит от человека.

Леха готовится проверять сети. Надевает яркий костюм, люминесцентный, чтоб было заметно со всех сторон. Его двоюродный брат утонул прямо здесь, на Угарной, и Леха его не спас — не нашел в мутной воде.

Река горит под ним.

Он выбирает сети рывком, перебирает умными руками. Иногда из-под воды блещет. Золотые чирьи, серебряные сиги, шуки с хитрыми мордами. Рыбина гнется буквой «у», лодку заливают кровь, мешаются с золотом. Медленное северное солнце белит и Леху, и лодку, и воду.

Под ногами Лехи рассыпаны мертвые и умирающие рыбы.

Рыбья кровь ярче, чем человеческая.

Ледник, сияющее царство, тоннель в земле, поделенный на секции. Леха сортирует рыбу, кладет тре-

Леха проверяет сети.
Река Дудыпта

пешущую на кучи уже замерзшей. За лето наловили всего две тонны. Тонну сдали в магазин Саламатову. Купили бензин. И деньги закончились.

Половину рыбы припрятали.

По зиме на Угарную приедут черные перекупщики. Их цены не в пример выгоднее. Рыба на леднике тоже ждет зимы.

Дома Леха рубит жирного чира, мешает с солью и луком. Горелый чайник булькает на печи. Мужики запускают дизель, укладываются у телевизора.

Телевизор сообщает, что ульяновца осудили за фотографию Гитлера, размещенную на сайте Бессмертного полка. Скорость электросамокатов ограничили — не больше 20 км в час. Агропромышленный форум в Самаре прошел успешно, губернатор награждал пастуха.

Мужики лежат.

— Зачем нужен Путин? — говорит Котик. — Мафия сраная. То Путин, то Медведев.

Ночь гораздо больше, чем дом. Чем мы. Над яром бесконечно звезд. Через них встает северное сияние — зеленое солнце мертвых. Глаз на полнеба, рядом полосой размазан невозможный город. Снег близко.

Лехе снится утонувший брат.

— Если смотрит — заболеешь, — скажет Леха утром. — Здраваться нельзя. Но я не поздоровался.

«Посуду фартуком не вытри — счастья не будет», — говорит Лехе Слепая.

Рация говорит

Треск, гул, тишина. «Все молчат. Уши греют».

Время радиозэфира поделено между нганасанскими Усть-Авамом с Волочанкой — и далекой Хатангой, куда ушел олень.

Мужики пьют чай и вслушиваются.

— Волочанка!

— Слышим!

— Он мне в субботу кричал, что должны были выплыть, но если не успеют, то в понедельник.

— Когда домой-то?

— Рано еще, начнет рыба ловиться. Тепло будет, может, чира поймаю?

— Че, оленя нету?

— Тогда двух убили, и все.
— Следы есть.
— Агапа, далеко тебя слышно, тебя хорошо слышно!

— Оленя нет, рыбы нет.

— Вчера вертолет летел, слышали?

— А толку?

— Я вообще видела. Белые — посреди тундры.

— Зайцев полно.

— Сова летает, куропаток гопает, куропатки вокруг дома лазают.

— Куропаток видели штук пятьдесят.

— Видели стайки гусей. Летают, никуда не торопятся.

— Плюсовая до октября будет!

— Чего столько дождей было — и не прибывает вода.

— Время скажите, пожалуйста.

— 11 часов 14 минут.

— А вы откуда, скажите?

— Река Пясины, Пясины-река!

— Далеко сидите.

— У нас тоже олень пропал.

— В Хатанге прошел, а дальше непонятно.

— Тот олень, который ушел на ту сторону, на зиму там останется.

— У вас что, промысловая точка?

— Рассоха на Пясины. Марита меня зовут.

— Как у вас дела?

— Плохо совсем дела, рыба пропала на реке.

— Депутаты сказали...

— Озеро Пясины давно мертвое было. Река Пясины немного шевелилась. Только надеемся на зимнюю рыбалку, и то под большим вопросом. Мы тоже и мясо стреляли, и рыбу ловили. Не знаем, как дальше будем жить. Как выживать.

— У нас тоже мало, горло перекрывают нашему брату.

— Что-то совсем нам не везет.

— Чир, муксун у нас 120 рублей и выше. 250 — если крупный.

— Понятно-понятно!

— И темно, и оленя нету.

— Алексей в этом году от коронавируса умер. К жене поехал в город, там заразился. Вот такое дело, этот коронавирус.

— Все планы, все перепугал.

— У меня родственники там. Марина Ивановна Цаплина, знаете такую, главврач?

— Марита, дождик у вас?

— Да, такой дождяка.

— Ветер юг все время.

— Две-три банки с грибами сделала. Перевариваю их. Банки стерилизовала.

Старое стойбище

Витя-Амба, или Амбасадор, живет с другой стороны дома на Угарной. В его комнатку отдельный вход. Рыбачит на веслах, готовит на всех. У него бритая налысо голова и щетка усом под носом, круглые глаза смотрят весело. Спрашивает, есть ли в городе вампиры — в фильмах же показывают вампиров. Леха и Котик Костеркины считают его сумасшедшим.

Он долго отказывается вести нас. Говорит — болит нога. «Чего вы там увидите».

Мы уговариваем. Амба размалывает в мясорубке мороженую оленью печень. Потом садится в лодку и начинает разбирать мотор. «Луна растет, поэтому будет ветер», — говорит Амба нараспев и ржет.

Чтобы выйти на старое стойбище, нам приходится пересечь реку Угарную.

Пройти по растрескавшемуся песку. Подняться на гигантский холм.

Холм зарос ягодой — черная водяника, брусника красными капельками, Витя сует горстями в рот, бормочет в траву.

Он идет быстро — мы едва поспеваем.

Холмы похожи на шерстистых зверей. Холмы пусты.

Ветер дует в мир как в раковину.

Внизу Угарная неровно льется в широкую Дудыпту.

Из травы белой веткой торчат оленьи рога. Когда приглядываешься, видишь — тут и там из тундры выглядывают предметы. Чайник. Детская санка («Это могила, не подойди», — говорит Амба). Деревянные седла для оленей.

— Вот тут мой чум стоял. Тут мы бегали. Во втором, третьем, в четвертом классе. Тут жили мы. Вот туда я бегал отсюда — босиком, в трусах. Дождь идет, а я бегу.

Чумы стояли по всему холму. Вот тут два старика и жены их жили, бабули. Бабушка Валя. «Что хотел, сынок?» — «Сахар мама просит». А дети бегают, кричат: «Попрошайка, попрошайка!» Бабуля им: «Молчи, молчи».

Амба садится в траву.

— Вот бы здесь построить дом, — говорит Амба. — Здесь и жить. Высоко, все видно, оленя увидим, если олень вернется. А вода не дотронется.

У Амбы в поселке замерзла жена — вышла пьяная на улицу, упала. После этого у него отобрали детей. Говорит, что старшая дочка должна быть уже взрослая. Она живет в Красноярске, и Амба спрашивает, сколько стоит билет в Красноярск.

Под холмом на сером песке растет трава деравлю с белыми пуховыми метелочками. Амба тыкает в песок под ногами.

— Тут горностаи ходил. А тут песец ходил. А тут я пошел.

СТРАНИЦЫ 22-23 ⇨

Витя-Амба.
Промысловая точка
Угарная

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Как хоронят у нганасан

Нина Дентумеевна рассказывает, как нганасаны становятся мертвыми.

Человек попадает под землю. Идет по темной тропинке. И выходит туда, где живут мертвые. Он видит реку, красную от крови. За ней — земля мертвецов. Человека в мертвецы сразу не примут — три года он живет отдельно, на другом берегу реки. Он для них нечистый. Только через три года перейдет туда к ним. Его переправляют на лодке. Перед тем, как сесть на лодку, надо вымыться красной водой.

Как живут в царстве мертвых? «Почти как мы здесь». В чумах только. В каждом чуме очаг. Мертвые занимают своими делами. Женятся тоже. Но больше не стареют. Они какие были, такие и есть.

«Лучше в этом мире состариться. Тут я хочу состариться», — говорит Нина Дентумеевна.

Мертвых нельзя навещать — только если через три года после похорон, перед путешествием за красную реку. О мертвых не стоит говорить. Граница должна быть закрыта.

Границу берегут. Когда приходят с кладбища и нужно зайти домой, перешагивают через три огня. Одна женщина специально остается, готовит огонь, у собаки вырывает мех. Мех бросает в огонь. В чем разводят огонь? Летом — железный лист, или в посуде ненужной, или в тазике для собак. Живые возвращаются, перешагивают пламя. Руки моют, садятся за стол.

Мертвого надо собрать в дорогу. Мертвому нужно три парки — одну на него, одну под голову, одну под ноги.

Женщине с собой собирают — два невыделанных камуса — шкуру с ног оленя, скребок, иголку, наперсток. Иголку ломают, наперсток сминают. На земле мертвых женщина сошьет себе обувь.

Мужчине — топор, ствол от ружья. Теперь вместо ружья оставляют лук и две стрелы — все ружья зарегистрированные.

Нож оставляют и мужчине, и женщине — «воевать с крысами, которые сразу налетают».

Сейчас хоронят по-русски — в земле. А раньше мертвого оставляли в тундре. Чумик делали, если лето, и заносили в чум на плечах. Зимой оставляли на санках, выпрягали из них оленей.

Совсем маленьких хоронили на деревьях. Разлапистое дерево завязывали проволокой или веревкой. Гробик приматывали на дерево. Если младенец, можно без гроба. На одежду маленького мама нашивала крылышки от гуся, небольшие. На одежде и на гробике ребенка делали отметку — такую же, как на родительских оленях. «Кирбир» — клеймо — чертили остывшим углем. Это нужно, чтобы ребенка узнали по клейму старшие родственники или отец, если он уже мертвый.

Мертвые дети не попадали под землю. Они превращались в птичек дямаку — маленьких, как воробушки. Иногда они летели на небо, где сидят семь сестер, усыпляли их и развязывали мешок младшей. Оттуда приходило лето.

Константин Кураматович Туглаков

Ергалах

Константин Кураматович Туглаков живет на точке Ергалах 35-й год. «Мне, наверное, 70. Я не знаю. Я забываю свой возраст».

Его лицо сморщено, как печеное яблоко. Ходит быстро. На спине его куртки гигантская заплатка.

В балке нет света. Густо закопченные стены. Раньше Константин Кураматович жил с женой, но десять лет назад жена умерла. Без нее «скучно жить». «А было интересно, легче было. Дома есть кого оставить. Пошел, думаешь — ага, дома есть человек, меня ждет. А сейчас желания уже нету. А сейчас уже неинтересно».

— Она умерла в 2011-м. И в то время мой отец тоже умер, на месяц вперед ее. Она сказала — как будем жить без дедушки? Отец-то говорил: если я помру, я кое-кого заберу с собой. Может, он взял ее, чтобы я один был.

Бензина на балке тоже нет, мотор на лодке сломан. До поселка Константин Кураматович ходит пешком — 26 километров. Закупается едой, и сразу идет обратно.

Карабина у него нет. Олень ловил на петли, запутанные в траве. Но олень ушел.

Говорит:

— Раньше люди жили, когда олени были, когда кочевая жизнь была! Полно, целый город балков, чумов было. Авам был самое богатое оленеводство еще в царское время. Миллион оленей. А из-за этой парши домашних оленей резали. Всех убили! Из-за этого культура жизни коренных наших национальностей упала. Поэтому люди вымерли! Я об этом говорю все время, и никто не может понять. А если бы были домашние олени, была бы кочевая жизнь, чум, балок — все это совместить с современной цивилизованной жизнью. Вот если бы олений домашних сюда!

Вот из чума выходишь, вот он стоит пасется. И пешком не надо ходить, и на охоту не надо ходить. Это же олень, это почти... ну это все! Дом, обувь, одежда, пища. Я вот малограмотный, но много читаю, поэтому кое-чего знаю. Но кто сейчас сделает? На это же деньги нужны. Все деньги, деньги. Я раньше на эти деньги внимания не обращал.

А я просто мечтаю занять домашнего оленя. Когда-то поймал одного теленка. Вот дурак, зачем я его убил? Он мирный был. Я, наверное, его накормил и воспитал бы. Сейчас я бы пешком не ходил. Олень — это не корова и не лошадь. Он сам себя кормит. Все ест, грибы, ягоды, все кушает. И ухаживать-то не надо. И кормить не надо. Вышел, поймал, запрет, санку сделал. Зачем мне этот «Буран»?

Я с семилетнего возраста до двадцати ездил на оленях. Я умею запрягать, все делать!

У меня в детстве сердце колело, сильно. Аж чуть не падал. Но одна учительница показала мне спортивный журнал. Два человека сфотографировались. Один такой хилый совсем, нежный. А второй, смотрю, вылитый как из бронзы, из свинца. Я говорю — а кто это? А это

он и есть. Он позанимался спортом, вот такой стал. Вот тогда я с 12 лет начал заниматься. К 18 годам уже 180 килограмм на себе таскал. 100 килограмм толкал. Пробежки по три километра туда и обратно. Дыхалка прорабатывается. И у меня прошло сердце. Жизнь — это движение.

Я увидел, как парень свою жену бил. А ей всего 18 лет. Ну я и заступился. Потом я с ней стал жить, ей было 19, мне было 32. Она у меня такая женщина была, поворачивали все головы на нее. Привлекательная. Ни один мужчина мимо не проходил. С женой я прожил 30 лет вместе. Она у меня двоих родила, дочку и сына. Потом врачи запретили рожать ей. А у меня детей много было бы. И если бы у меня женщина была бы здоровая, плотная, можно 12–14 детей. Да я мог бы и сейчас даже. Если бы еще были дети, я бы сейчас не один был. С кем-нибудь был бы.

Его дочь вышла замуж «куда-то во Вьетнам». Они не общаются. Его сын — Кублаков Костя — живет в Дудинке, и Константин Кураматович просит найти его и «отправить как-то» на Ергалах. Костя и есть устьямовский маньяк, расстрелявший двух парней, изнасиловавший и убивший женщину.

— Сейчас он должен быть в Дудинке. Писал, что у него родился сын, уже три месяца. У него полно этих женщин. Так к нему липнут. Я видел. Молодые девушки. Аж прямо обнимают, аж целуют. Что в нем хорошего нашли? На вид он хороший.

Он отбывал в больнице срок. 12 лет там отбыл. Какая-то там в поселке неразбериха. У той женщины не было волос вообще. Ну так, привлекательная была, продавщица. Вот кто-то ее убил. Вот кто это сделал? Я никогда не поверю, что это Костя убил. Предки его не были такими. Если бы из Москвы какой-нибудь такой хороший сыщик, как в детективах пишут. Холмс или Коломбо — вот такой бы нашел бы, кто это сделал.

А, это. Первый случай, когда двоих с ружья. Костя тогда в больнице в Дудинке отбыл два года, только и все.

— За что он их убил?

— Так много хулиганья было! Чего, хулиганы, они сами помнили. Бандиты. Как бандиты были. Те люди сами виноваты были. На него постоянно нападали. Ему было 15 лет тогда. Он уже как мужик, здоровый был парень. Вообще сильный был. Вот так берет мешки по 80 килограмм, тяжелые. Работал с десятилетнего возраста, помогал мне здесь. Я его со школы забрал, а учился он в Дудинке, в спецшколе. Но мне сказали, что там плохо обращаются с детьми. И я взял со школы, со 2-го или 3-го класса, и здесь его вырастил и сам воспитал. Научил всему — на моторе, на «Буране». Ловушки ставить, сети ставить. Все умеет!

Даже два раза меня удивил. Я убил волка, принес волка, а обдирать-то я сам не очень-то хорошо обдираю. А у волка-то шкура крепкая. Я говорю — давай, сына, попробуй волка обдери. Волк же большой совсем. Он волка повесил и начал обдирать. Нож такой острый был. Он его ободрал через час, и ни одной царапины

не было! Я сам волка неделю обдираю, и то шкуру режу. Потом второй раз появился медведь, большой медведь. А у медведя шкура, она помягче, чем волк, когти. Смотрю на Костю — опять, ни одной царапины! Профессионал. Никто не учил. Я удивился. Такие люди бывают, наверное. Дар какой-то! Ну какой он ненормальный, дурак? Нормально ободрал. Вот ты обдерешь волка?

Вот тогда я понял, ум есть у него. Умный человек. Ну не скажем сильно. Но нормальный человек. Совершенно здоровый, сильный человек. Только спаивают.

Сюда прилетел вертолет, когда выборы были, года 3–4 назад. Там был милиционер, лейтенант. И бывший подполковник милиции, женщина, Лаврентьева. Я их попросил — сейчас мой сын освобождается, помогите сюда его отправить, чтоб он прилетел. А он прилетел в поселок, а меня не было там. Ну и зашел не к тем людям. И подвыпил еще, и в магазин его отправили, говорят — иди возьми две бутылки водки. Вот не надо было ему выпить! Говорят, участковый ему сказал: ты улетай обратно, тебе здесь житья не дам. Не было меня там в поселке! Если бы я был в поселке, я бы не дал, я бы принес бы его сюда. Его надо еще раз отправить ко мне сюда. Отца-то надо все равно посещать. Хотя бы один раз. Хотя бы на время прилетел. На неделю, ну месяц пусть. Я не держу — пусть улетает обратно. Если у него там семья будет, дети, пусть живет.

Мэр, участковый... Все равно они виноваты! Неправильно руководили, не контролировали поселок хорошенько.

А так бы я, может, я бы хотел по новой жить. Если бы сошелся с нормальной женщиной. Поживем, поищем. Есть же такие женщины, которые хотят где-то в тундре жить, да? Спокойно. Я бы мог. Хотя бы 1–2 ребенка настряпал.

Мы уходим, а Константин Куромакович идет следом и рассказывает, как видел НЛО: «Из-за леса появляется свет. Прямо сверху свет круглый, большой-большой. И огромный тень, как вертолет. И пасть открывается, как люк. Там зубы такие. Я сыну говорю — ты видел эту тарелку? А он говорит — я не видел. А потом уже, когда год прошел, вот тогда только сказал: я видел».

Я середина. У меня отец середина был, я тоже середина. Одни верят сильно в бога. Пусть есть, пусть нету. Пусть есть, и дьявол пусть есть, и бог пусть будет. Дьявол внизу — это называется нижний бог. А то — верхний бог. Так? Я в середине, мы в середине».

Вода становится фиолетовой. В пролеске перед поселком фонарики — оленей нет, и люди ловят зайцев. Ослепить белого, он замрет — тогда стреляй.

Авам встречает огнями вертолетной площадки.

Котик Костеркин зовет в новый дом.

В доме тепло, просторно. Дети. Младший сын не говорит. Старшая девочка — дочь повесившейся сестры жены — баюкает его на руках.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

Как мэр боролся с пьянством

— Я попробовал на 9 мая. Запретить продажу своей волей. В 14-м году. Праздник в 12 у нас, магазин открывался в 10 часов. Ну где-то часов в 11 ко мне пришла делегация. Я, оказывается, тут русские оккупанты. Что мы такие нехорошие, что мы ущемляем их права. Нажаловались на меня в прокуратуру, что я запрещаю. Прокурор сказал: «Сергей Михайлович!» И я узнал от него — оказывается, у нас водка такой же продукт, как хлеб, сало, огурцы и помидоры. Мы не имеем права запрещать. И у меня есть только распоряжение на день прибытия угля ограничивать. На праздники ограничивать. Например, у нас День поселка. Мы в этот день до окончания праздника выпивку не продаем. Праздник кончился — пожалуйста, двери открыты, иди покупай.

— У вас руки не опускаются?

— Вам честно сказать? Если бы я знал, что здесь вот такое творится. Я когда работал участковым, было одно. У меня была определенная задача, определенное направление. А тут направлений масса. И мое желание, мои желания не совпадают с возможностями. Оторвать их от пьянства я не знаю как. Мы все пробовали. Ловлю перед магазином. С каждым говорю — Валера, вот посмотри, ребяенок твой идет. Я тихонечко ребяенка к нему подзываю, ребяенок подходит. «Пошли в магазин?» Заходим в магазин, я на продавца — дайте нам на 500 рублей конфет ребяенку. Ей подмигиваю, она меня понимает. Взвешивает мне, и на него — Валера, рассчитывайся! Он крихтит, ворчит — я не знаю, чего он там за глаза сказал про меня. Но деньги отдал, остался без водки.

Маша сама торгует ночью. Мы с ней разговаривали. Она — Сергей Михайлович, у меня большая семья, мне надо их накормить. С торгашами на эту тему говорить бесполезно. Все продавцы, все до одного. Все торгуют. Оля Дуракова, Наташа Барсукова, Юля Степутенко — завозят и с рук продают по поселку. И самое главное — люди их поддерживают.

Мы пробовали сделать контрольную закупку. Мы должны отправить человека, дать ему денег. Никто на это не идет. «Сергей Михайлович, а мне больше никто никогда не продаст». Мы даже изменить законодательство по контрольной закупке пытались. Чтобы, например, мы задерживаем человека, и если визуально мы видим, что он идет из магазина, что у него в руке или за пазухой спирт, мы составляем акт, и этот акт является основанием. Город нас поддержал, район нас не поддержал. А с таким вопросом давно надо выходить на Законодательное собрание Красноярского края. Но посчитали, что это неуважительная причина — из-за нас закон менять.

Женщину убили. Она торговала ночью. К ней убивец этот пришел, за деньги купил бутылку водки. Мало. Приходит опять — дай в долг. Она — с чего бы? Ну, он полупьяный. Сразу ударил несколько раз ножом. Четыре бутылки забрал. Двух ребят застрелил с карабина. Признали психбольным. Женщину изнасиловал в тундре, и то ли задушил, нашли раздетую. Я с ее мужем разговаривал. Убийца у него же стал ночевать. Я говорю: Борис Спиридонович, он твою жену убил. Ну он такой, мягкий. «Ну чего, он пришел, попросился, я его пустил». На следующий день или через день ребята, молодежь его встретила, лупцанули его очень хорошо. Он прибежал — Сергей Михайлович, запишите меня на вертолет, меня тут все бьют. Я не стал ничего говорить, прекрасно понял. Хоть у нас и очередность, говорю: ты самый первый, улетай. У отца его были, да? Он как мышка придет, тихонечко закупится и опять уходит. Подальше с нашего поселка.

Я пытался провести вечер отдыха для молодежи, с чаепитием. «А чо, а спиртное? Не пойдём». День пожилого человека проводим. «А чо, не могли водки взять?» На 9 мая раздаем кашу, гречневая каша, и за свой счет скидываемся с завклубом, покупаем с ней тушенку, гречку, сахар. Примерно третья-четвертая бабулька подходит и с таким фырканьем, знает: «Могли бы вместо чая водки с чайника налить».

Не переубедить. Каким путем? Палкой? Нельзя. Запрещать — нельзя. Только мы запретим — сразу спиртоносы. На лодках ездят, привозят. Ну хоть на машинах по зимнику не привозят, участковый и я, мы с ними крепко переговорили. Я говорю — слухи все равно дойдут, что вы привезли. Мы вас за водку не будем, мы вас за техническое состояние машины хлопнем, или подловим, что вы выпьете, заберем права. Поняли? Поняли. Говорит: я привез две бутылки шампанского на Новый год. Ну шампанское — как бы еще более-менее. Но когда привозят по 20 ящиков водки! Я говорю одному высокопоставленному человеку, жалею — а его жена мне потом: «Я им и продаю эти ящики, не мешай».

Дочь хозяина Зеркального чума

Нина Дентумеевна поет:

*Хозяин зеркального чума
На другую сторону чума (через огонь)
Два глаза обратил,
Бросив взгляд,
Гортанным голосом
Сказал:
«Дочь-хозяина-зеркального-чума,
Дочка моя,
По-моему,
С тех пор, как уехал
Белого Яра хозяин,
Хозяина сын,
Мостообразный Лук,
Маленький мальчик,
Которого не было,
По оленьим тропам
С веревкой ходит».*

*Услышав это,
Дочь его,
Надев походную одежду,
На двойной лук,
Два лука друг на друге, оперевшись,
Подпрыгнув вверх
В дымовое отверстие чума,
Как подброшенная,
В сторону запада
По воздуху полетела.*

*Две полы ее парки
Похожи на крылья самых больших орлов,
Два ее глаза —
Как будто две звезды,
Полярные Звезды,
Горят.
Когда рассвело,
К Белому Яру,
К яру приблизилась,
Достигнув чумов,
Потихоньку-потихоньку
В дымовое отверстие чума
Бросила свой взгляд,
Обитателей чума
Стала разглядывать:*

*Мостообразный Лук
Давно нашел,
Другую нашел,
Жену нашел
Мальчик,
Тожже заимел,
Рядом с матерью
Девичья люлька
Видна.*

*С улицы ото входа
Ее (прилетевшей) топот послышался,
И тогда она говорит:*

*«Белого Яра хозяина,
Сын хозяина,
Ну давай, готовься —
Я пришла
К тебе на поединок,
Давай сразимся
На смерть,
На жизнь!»*

*Мостообразный Лук
На улицу вышел,
Недалеко от чумов
Одними луками
Стали стреляться.
С первого выстрела
Две их стрелы,
Соприкоснувшись друг с другом,
Грозовой ветер,
Которого не было,
Грозу подняли,
Молнии,
Которых не было, появились.
Опять выстрелив,
Прямо в грудь
Друг другу попали,
Ранив друг друга,
Ранив,
Потихонечку
Друг к другу двинулись,
Встретившись,
Взявшись за руки,
Упали на колени,
Встав на колени,
На бока,
Как морошка,
Упали,
Вдвоем упали.*

Пора улетать из Усть-Авама

Билеты на вертолет покупают в бывшей больнице.

Врача больше нет — поселок вымирает, съезживается, теперь это фельдшерский пункт. Спрашиваю медсестру Юлию Степутенко: «Правда, что вы торгуете спиртом?»

— Правда, — говорит она просто. — По тысяче бутылка. Муж болеет. Дочка в университете. У нас кредит миллион. Я на трех должностях работаю, и все равно. Иначе не выжить.

Синеглазый русский парень — он разводит электричество по всему Таймыру — говорит: «А я дошел до кладбища втихаря. Там странно. Перекрученные кресты, столбы. На них садят птичек из жести. Столько этих птиц».

Мэр обнимает меня у вертолета. Шепчет на ухо: «Не пишите про нас плохо. Нам и так тяжело».

Нина Дентумеевна Чунанчар

Мне суют младенца и пакет с документами. Его надо доставить в Дудинку, к маме.

Ребенок спит тяжелым, ненастоящим сном.

Я держу ребенка. Подо мной летит серая тундра. Она ждет снега, который глубоко и надолго укроет ее. Кроме нее, больше ничего не было и нет.

Снег

Он выпал в октябре и сразу лег сугробами. Встала река. В декабре пришли 50-градусные морозы и поселок замер в домах, топились углем, грелся у печей.

В декабре донеслась весть — «Норникель» выплачивает коренным компенсации за убитые реки. 250 тысяч рублей каждому, кто записан в рыболовецкие общины, кто стоит на кочевых.

Люди летели вертолетами в Дудинку, добирались до Норильска. Везли детей и стариков. Открывали новые

счета (у многих карты оказались заблокированы приставами — кредиты). В офисе «дочки» «Норникеля» НТЭК люди подписывали «договор о возмещении убытков».

Третий пункт договора говорит: «Выплата компенсации прекращает обязательство по осуществлению любых выплат в связи с разливом дизельного топлива на ТЭЦ-3 в городе Норильске, в том числе по компенсации любых убытков, в чем бы они ни выразились».

Четвертый пункт договора говорит: «Стороны признают и подтверждают, что каждая из них имеет равные переговорные возможности».

Документы подписывали не глядя. Почти никто не понял, что значат третий и четвертый пункт. Что за 250 тысяч по своей воле отказываешься от возможности суда и возмездия, навсегда соглашаешься с твоими убитыми реками. Договор подписали 700 человек — и Усть-Авам, и Волочанка, и городские, и готовится дополнительный список — на май.

Почти все купили снегоходы «Ямаха-пятерка» и на снегоходах доехали до поселка.

В поселок пришли деньги, и настало пьянство.

Первым умер Максим Порбин. Он захлебнулся рвотой, остановилось сердце.

За ним умер Толик Попов. На его теле нашли синяки и начали расследование, но прилетевший судмедэксперт подтвердил — побои давнишние, сердце встало из-за спирта.

Андрей Большаков порезал Павлика Столыпина — но не насмерть, так.

Теперь в Усть-Аваме ждут двух самоубийств — «у нас обычно весной или летом» — и одну естественную смерть по болезни или старости.

Долбить могилы в вечной мерзлоте — тяжело. Если верить Нине Дентумеевне, дальше будет трехлетнее ожидание и красная от крови река, и другой мир, где все еще стоят чумы и пасутся живые олени, где дышит рыба, где нет русских, где нганасаны останутся навсегда.

**Елена КОСТЮЧЕНКО,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото),
поселок Усть-Авам, Таймыр**

Экспедиция «Новой» Часть 2

«Новая газета» продолжает экспедицию по Крыму. Как живет полуостров спустя семь лет после присоединения к России?

В прошлом номере мы рассказали, как прошла «национализация украинской госсобственности», обернувшаяся отъемом имущества у 18 000 простых крымчан. Сегодня рассказываем, каково быть в Крыму соседями президента.

Поселок Олива находится на Южном берегу Крыма между известными курортами — Форос и Симеиз. В отличие от своих соседей, он не столь популярен среди туристов. Еще со времен СССР гости сюда приезжают исключительно высокопоставленные: здесь находятся государственные дачи № 6, 8, 9 и 10.

В 20-х годах прошлого века в Оливе отдыхали Феликс Дзержинский, Анастас Микоян и Иосиф Сталин, в 80-х — Юрий Андропов, а после распада СССР — все украинские президенты: от Леонида Кравчука до Виктора Януковича.

Сегодня территории госдач 6 и 8 объединены — это одна из крымских резиденций Владимира Путина. А на госдачах 9 и 10 после «крымской весны» неоднократно видели Дмитрия Медведева.

Вплотную к государственному дачам прилегает забор бывшего пансионата «Таврия», который до 2014 года принадлежал украинскому олигарху Игорю Коломойскому. Теперь это обнесенный шестиметровым забором санаторий ФСБ, причем, похоже, забор под электрическим напряжением.

Госдачи и санаторий занимают более 221 га черноморского побережья.

Соседями двоих российских президентов и отдыхающих сотрудников спецслужб оказались 300 простых жителей Оливы. Довольны ли они близостью к «первым лицам»?

Ни искупаться, ни умереть

Олива — поселок контрастный: люксовые коттеджи с высокими заборами чередуются здесь с домами попроще и с обыкновенными мазанками.

Первое, что бросается в глаза, — отсутствие людей на улицах. В отличие от соседних курортов, здесь не увидишь сплетничающих на огороде соседок или соображающих на троих мужиков. Изредка мимо проедет машина или где-то застучит молоток — вот и все признаки жизни.

Многие дома стоят закрытыми. Их хозяева приезжают в поселок от случая к случаю. Тех, кто сейчас в Оливе, можно вычислить по дыму из печных труб — газа в поселке нет.

В 2014 году население Оливы, по официальным данным, составляло 379 человек. А уже к 2016 — заметно сократилось: до 316. За два года выбыл каждый шестой житель. Сейчас людей здесь еще меньше. Это единственный случай депопуляции на Южном берегу Крыма. И неудивительно: благодаря соседству с госдачами и санаторием ФСБ условия жизни в Оливе близки к экстремальным.

С 2018 года, рассказывает местный житель Сергей Кабак, оливчанам стали запрещать ходить в лес. Сотрудники Оползневского лесничества мотивируют это тем, что леса вокруг поселка заповедные. Нельзя даже спокойно подняться на перевал Шайтан-Мердвен (Чертова лестница), считающийся крымской достопримечательностью: прежде нужно получить разрешение.

— В прошлом году женщина с двумя детьми спускалась с Чертовой лестницы, лесники их приняли, — рассказывает

Кабак. — Выписали штраф три тысячи рублей. Уже четыре человека так попались. Ладно, в лес, но тут же туристическая тропа! Лесники сами говорят: ходите за грибами, ходите за ягодами, но если попадетесь — штраф 3–5 тысяч.

Сергей вспоминает, что как-то сам поехал в лес, оставил автомобиль на обочине, а когда вернулся — обнаружил, что ему спустили колеса. Накачав их, он отправился домой, но путь ему преградила полицейская машина. Кабаку объяснили, что он зря не оставил номер своего телефона на ветровом стекле: «Должен понимать у какого объекта живешь!»

В этой истории можно было бы усомниться, если б корреспондент «Новой» летом 2020 года лично не столкнулась на Чертовой лестнице с вооруженными людьми, которые запрещали фотографировать вид на побережье под предлогом «военных учений».

Усиленная охрана леса над Оливой понятна: отсюда открывается прекрасный вид на госдачи. В резиденции Владимира Путина достраивается ледовый дворец. На одном из зданий очень много спутниковых тарелок. Стоят вышки связи, глушилки. Местные говорят, что кабинет президента в Оливе ничем не отличается от того, что находится в Ново-Огареве. По их словам, Владимир Путин прибывает на крымскую дачу не только на автомобиле или вертолете, но и на яхте. Во время его визита по побережью треугольником выстраиваются военные корабли.

Очень тепло оливчане отзываются о Дмитрии Медведеве.

— Нормальный мужик, простой, а вот жена у него очень строгая. Как-то горничные недосмотрели, и в одном из коттеджей она под подушкой нашла маленьких крысят — крика было! Потом пошли увольнения.

Персонал на госдачах зарабатывает немного: в районе 20 тысяч рублей в месяц. У охраняющих дачи силовиков зарплаты выше.

Олива — поселок прибрежный. Но, как и в лес, на море местным жителям ходить нельзя.

Лариса Шевелева живет в поселке с 1980 года. Ей семьдесят. Доступ к морю, вспоминает она, закрыли в 2015 году после передачи санатория «Таврия» ФСБ.

— Теперь, чтобы окунуться в море, надо ехать в Форос, в Кастрополь, в Жуковку или куда-то еще. При Украине здесь был санаторий «Таврия» <олигарха

Лариса Шевелева

руки по локоть в Крыму

Олива.
Глушилки на даче

ОЛИВА

Игоря> Коломойского, нам давали пропуск, и мы спускались к морю. А теперь все перекрыли.

Сергей Кабак добавляет, что при Украине в Оливе еще один общедоступный пляж — со стороны нынешней дачи Медведева.

— А в 2014 году местные пошли туда, и на них направили собак. Сейчас искупаться можно справа <от дачи Медведева>, но только чтобы «никто не видел».

В 2018 году администрация Ялты пообещала оливчанам выделить автобус, который бы возил их на море. В 2019 году, перед региональными парламентскими выборами, такие автобусы действительно появились, деньги на них выделил один из кандидатов в Госсовет. Но выборы прошли, и автобусы исчезли.

В Оливе, конечно, сложно жить, но умирать здесь — совсем нельзя. Местное кладбище выглядит заброшенным. Чтобы его посетить, жителям нужно получить специальное разрешение. Уже несколько месяцев Александр Васильченко не может поменять памятник на могиле бабушки, ждет согласования. По его словам, на кладбище сейчас также запрещены похороны.

— Кладбище для захоронения закрыли, потому что оно находится в охраня-

мой зоне, — говорит он. — Разрешено только, допустим, похоронить человека в могиле его супруги. Новых могил не копают, умерших отвозят в соседние поселки.

Несмотря на близость к резиденциям первых лиц, блага цивилизации оливчанам недоступны. Некоторым повезло: они смогли подключиться к ялтинскому водоводу, который идет вдоль трассы. Остальные берут воду из родников.

Прошлым летом из-за засухи источник пересох, и воду привозили в цистернах, некоторые закупали ее самостоятельно. Стоимость цистерны с водой — 10 тысяч рублей, но не все считают эту воду пригодной для питья, некоторые жители докупают бутилированную. С 2014 года оливчане писали обращения к российским властям, чтобы им наладили водоснабжение, но проблема до сих пор не решена.

Сами госдачи полностью автономны: у них свои котельные, канализации, генераторы, вода и даже свои очистные. Правда, газа в резиденциях, как и в остальной поселке, нет. Хотя это сближает высоких гостей с простыми оливчанам.

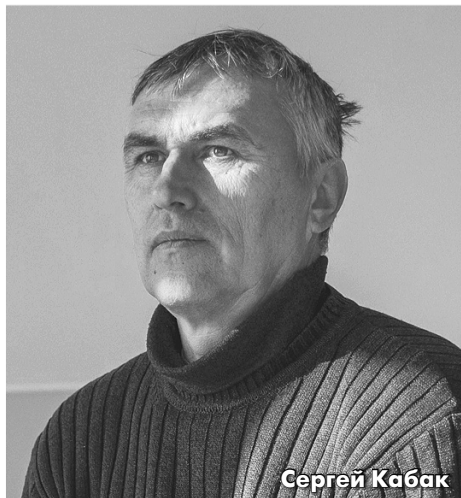
Ни пяди земли

Главная проблема, с которой столкнулись жители Оливы после присоединения к России, — невозможность переформировать свои дома и земельные участки. На них просто не дают российские свидетельства о праве собственности.

Борис Сулимов проживает в поселке с 1987 года. Бывший разведчик. О своих мытарствах говорит спокойно, уже как о чем-то обыденном. Проблемы с земельным участком у него начались в 2014 году.

— Когда я приехал за свидетельством о праве собственности, мне дали копию письма, которое администрация Ялты получила от управления делами президента. Его подписал заместитель начальника территориального управления делами президента в Крыму Алексей Кильметов.

В письме говорилось: «Направляем уточненную информацию по территории поселка Олива, включая земельные

Сергей Кабак

Олива. Забор дачи

КРАСНАЯ

КАК ЖИВЕТ КРЫМСКИЙ ПОСЕЛОК, ОКРУЖЕННЫЙ ДАЧАМИ ПРЕЗИДЕНТА, ЗАМПРЕДА СОВБЕЗА И САНАТОРИЕМ ФСБ

Санаторий ФСБ обнесен шестиметровым забором

участки, и сообщаем адресные ориентиры, в границах которых просим не осуществлять действия по заключению договоров социального и коммерческого найма, передачи физическим и юридическим лицам в постоянное бессрочное пользование, аренду или иное использование земельных участков».

— Этот документ мне был выдан вместо российского права собственности со словами «ждите». Ждали целый год.

По словам Сулимова, в течение года ФСО оформила зону охраняемого объекта, которую внесли в генеральный план. Причем была выбрана максимально доступная зона — 1 километр. В нее вошли поселок Олива и прилегающие территории. Теперь люди не могут ни купить, ни продать, ни завещать свои дома и квартиры.

Решить проблему в судебном порядке также не получается: суды оливчане проигрывают. При этом по поселку циркулируют слухи: людей отсюда будут расселять.

— Я вам так скажу: когда мы шли на референдум и отдавали голоса за присое-

единение к России, мы думали, что возвращаемся к матери. Но через какое-то время мы поняли, что вернулись к мачехе.

Лариса Шевелева прошла пять судебных инстанций, чтобы получить российские документы на свой дом и землю — везде отказ. Хотя ее участок даже не входит в охранную зону. «Мне в силу возраста трудно ухаживать за домом. Но я даже продать его не могу», — жалуется она.

Сергей Кабак смог получить российское право собственности на земельный участок, но вот на дом ему свидетельство не дают. Из-за этого он не может полу-

чить прописку, и как следствие — оформить документы на автомобиль и даже получить банковскую карту: в Крыму сделать это без регистрации нельзя.

— Мы были одними из первых, кто подал в суд, и нам мотивировали отказ <оформлять документы> тем, что у нас охранная зона. Указ президента № 384. Указ, правда, говорит об ограничениях. А у нас — полный запрет, — продолжает Сергей Кабак.

Сергей и еще 5 человек теперь ждут решения ЕСПЧ.

Получить российские документы на свое жилье не могут и жители многоквартирных домов — их в Оливе два.

Примечательно, что несколько дачных участков оливчан расположились прямо между резиденцией Владимира Путина и санаторием ФСБ. Эти земли еще при СССР выдали проживавшим в поселке сотрудникам КГБ, которые охраняли госдачу. На узкой полосе между двумя заборами — ни одного капитального строения. Домики и сарайчики сделаны из подручных материалов. Часть из них разрушена. Все это резко контрастирует с резиденциями первых лиц: с роскошными новыми зданиями, с аккуратными дорожками, газонами, бассейнами, электромобилями, с ледовым дворцом.

Удивительно, но на одном из участков мы обнаружили туалетный ершик. То ли он лежит здесь в знак протеста, то ли попал случайно, ведь привычных унитазов на дачах нет.

И уехать нельзя

— Они подводят свою «Единую Россию», чтобы мы за них не голосовали.

Эти ФСО, ФСБ и остальные, — горючий житель Оливы (и бывший сотрудник КГБ) Анатолий Однобоков. — Я бы ни за что не поверил этому идиоту Навальному за Геленджик, если бы не видел, как у меня под окном это все застраивается. Я служил в советские времена, когда здесь были одни штакетники 2,5 метра, и это была охраняемая территория.

По словам Сергея Кабака, большинство жителей Оливы уезжать из поселка не планируют.

— Компенсация, которую предлагают за трехкомнатную квартиру, — 3 миллиона рублей, но на эти деньги можно купить только однушку на задворках Севастополя. Куда ехать? Большинство жителей вы видели какие: в возрасте 70 лет. Им куда-нибудь в степь ехать с тремя миллионами? Это нереально. Лучше уж сразу на кладбище. Но и туда не пускают, — говорит он.

— Естественно, когда мы столкнулись изначально с этой проблемой, мы обращались во все инстанции: и в прокуратуру, и в администрацию Крыма. И Аксенов лично с нами беседовал: говорил, мол, не волнуйтесь, никто вас не обидит.

Сам глава Крыма Сергей Аксенов, отвечая на вопрос «Новой газеты», заявил, что «пытается решать проблемы крымчан, когда к нему обращаются». «Дайте мне обращение <жителей Оливы>, и если я их не услышал, то я извинюсь. Если была такая ситуация», — сказал он.

В разговоре с корреспондентами «Новой», многие жители Оливы просили: «Пусть до президента дойдут наши проблемы».

«Он обещал, что нам не будут препятствовать в оформлении украинских документов. Пусть добьется, чтобы людям дали землю, а то такое впечатление, что мы не люди», — говорит 62-летняя Татьяна Кожарина.

Знает ли Владимир Путин, что на него жалуются соседи?

Надежда ИСАЕВА,
фото Ардена АРКМАНА,
«Новая»

КУДА ЕХАТЬ? БОЛЬШИНСТВО ЖИТЕЛЕЙ
В ВОЗРАСТЕ 70 ЛЕТ. ИМ В СТЕПЬ
ЕХАТЬ С ТРЕМЯ МИЛЛИОНАМИ?
ЭТО НЕРЕАЛЬНО. ЛУЧШЕ УЖ СРАЗУ
НА КЛАДБИЩЕ. НО И ТУДА НЕ ПУСКАЮТ

АМЕРИКА И МЕДВЕДЬ

«Р азумеется, обзывать — не наш уровень», — с гордостью провозгласила Ольга Скабеева. И понеслось. Программа «60 минут» одной из первых бросилась на амбразуру, защищая президента России Путина от злобного президента Байдена, посмевшего назвать «коллегу» убийцей.

Еще молчали МИД и пресс-секретарь Путина Песков, а они, Скабеева и Попов, верные солдаты «партии», уже пригвоздили американского лидера к позорному столбу, а «и без того сложным отношениям между Россией и США» вынесли свой бескомпромиссный приговор: они, отношения, разорваны, видимо, навсегда!

Обзывать — не их уровень. Поэтому Попов просто по-дружески заметил: «Наверное, он забыл выпить таблеточки... Байден последнее время на публике просто молотит какую-то чушь... И вот теперь этот человек называет президента России убийцей!»

Кадры интервью Байдена американскому каналу ABC с этой возмутительной фразой (справедливости ради, Байден не сам ее сказал, а лишь утвердительно ответил на вопрос журналиста) за время эфира показали не раз. И еще много-много раз ведущие и их эксперты повторили ее сами. Как потом заметил Станислав Кучер в эфире международного телеканала RTVI, «слова «Путин — убийца» были повторены в российском эфире чаще, чем во всех американских СМИ, вместе взятых...».

Нашим палец в рот не клади. Депутат Толстой отметил, что «страдающего деменцией Байдена долго не пускали к журналистам. Старичок запинается».

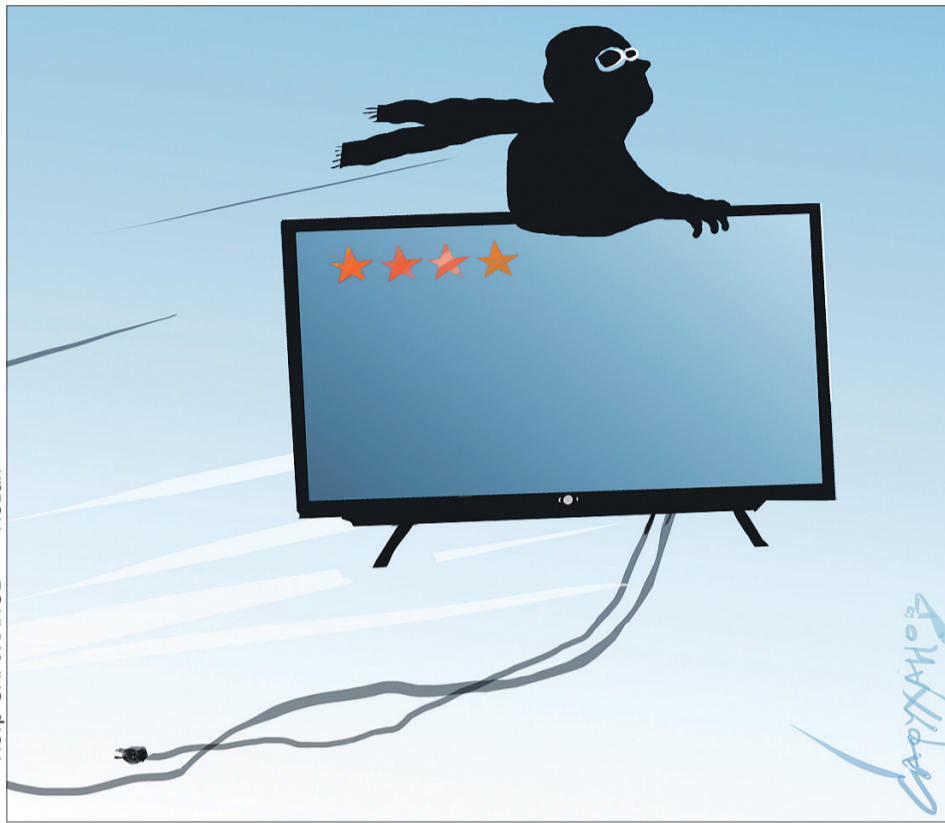
Постоянный участник ток-шоу «60 минут» депутат Журавлев (большой зятьник) заявил без обиняков: «Президент Байден — это не президент, а диагноз... Американцы его выбрали. Раз у вас дебилы у власти, значит, вы все такие...»

В доказательство того, что Байден сам не ведает, что творит, под оживленный смех ведущих и гостей программы показали подборку курьезов: вот он запутался в именах детей и внуков, вот забыл имя собственного министра, а вот потерял ориентацию в хозяйственном супермаркете (потом весь вечер же «уморительную» подборку крутили во всех теленовостях).

Не верите своему ТВ? Тогда посмотрите, как сами американцы оценивают физическое и умственное состояние недавно избранного президента. Вот ведущий канала Fox News Такер Карлсон предлагает своим зрителям сравнить позднего Брежнева с сегодняшним Байденом. На кадрах хроники Брежнев бормочет что-то невразумительное. «Параллели просматриваются», — делает вывод американский журналист, скорее всего, немало удивив простодушных россиян, которых российское ТВ давно убедило, что в США нет никакой свободы слова, в отличие от свободной во всех отношениях родной

Российские пропагандисты против Байдена

ТЕЛЕНЕДЕЛЯ
С ИРИНОЙ
ПЕТРОВСКОЙ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

страны. А там над своим же президентом глумятся. Чудно!

Однако «параллели» неожиданно возмутили Попова, попенявшего американскому коллеге на их некорректность: наш дорогой Леонид Ильич воевал и кровь за Родину проливал. Ветеран! Иное дело — Байден. Не ветеран — просто старый маразматик, и его высказывания — «триумф политического маразма».

Потом все вместе принялись искать симметричный «ответ Чемберлену», то есть Байдено. «Я бы предложил увеличить численность резидентур в США, чтобы держать их за вымя... А еще надо рассмотреть вопрос о совместном ядерном планировании с Китаем. Это будет ушат холодной воды на голову Байдена», — предложил радикальные меры политолог Коротченко. «Аляску не проще забрать?» — изящно пошутил Попов. «Ни в коем случае нельзя отвечать только тем,

что МИД выразит очередную озабоченность», — кипятился депутат Журавлев. «А как надо? — Нанести ракетно-ядерный удар?» — с плотоядной улыбочкой соотрился Скабеева. «Наш ответ не должен быть ниже плинтуса, где сейчас оказался Байден. Мы один раз закончили в Париже, второй — в Берлине. Только так», — отрезал депутат Толстой.

Поздним вечером в эфире у Соловьева поиск симметричных ответов продолжился. Соловьев на то и главный пропагандист России, что мыслит глобально: «Это атака не на Путина, а на всю Россию... Конечно, у Америки вызывает колоссальное раздражение наш успех в создании лучшей в мире вакцины, наша независимая политика, Крым... Это, конечно, объявление новой холодной войны. Нам предстоит ответить очень жестко. Нас запугать-то сложно... А президент Байден осознавал, что говорит?»

А если не осознавал, у него есть доступ к красной кнопке?»

В пример «неадекватному» Байдену привели адекватного Трампа, показав фрагмент из его давнего интервью тому же американскому каналу ABC. В нем журналист не вопрос задает, а сам констатирует: «Но он же убийца. Путин — убийца». Трамп отвечает философски: «Многие убийцы. Убийц предостаточно вокруг нас. Поверьте мне».

Вся соловьевская рать в студии закивала одобрительно: «Вот! Он нашел правильные слова».

«Это («непозволительное выражение в адрес Путина») должно быть хорошим поводом для нашей внутренней мобилизации», — нашел плюс в случившемся депутат Затулин.

...Днем, когда цитата из интервью Байдена еще не стала главным новостным хитом, в ток-шоу «Время покажет» на Первом канале обсуждали новые санкции США против России. Ведущий Артем Шейнин вышел на тему замысловато — через сюжет про медведя, преследующего улетающего от него человека на улице Нижнего Тагила. Шейнин рассматривал в медведе не хищника, забредшего в город из леса, а ручного добродушного звереныша, истосковавшегося по общению с человеком, но в погоне за ним угодившего под автобус. «Мы тоже 35 лет назад были таким медведем... Мы поверили и тоже чуть не попали под автобус. Эти «добрые люди» сильно приблизились к границе... Эти люди до сих пор называют нас главной угрозой себе». Метафора то есть. «Добрые люди» — коллективный Запад, который нас сначала пытался приручить, чтобы после и погубить. Не вышло!

Станислав Кучер, глава американской редакции канала RTVI, запустил недавно ютуб-канал «Однажды в Америке» — «для всех, кто предпочитает объективную журналистику в противовес госпропаганде, растущей американофобии и «прочему мракобесию».

Один из первых спецрепортажей он посвятил самым известным и снова набирающим силу пропагандистским мифам, благодаря которым наши сограждане считают Америку главным врагом России, который спит и видит нас поработить. Один из таких мифов — «план Даллеса», которого, как выясняется, нет и никогда не существовало в природе. Это самый настоящий фейк, который, как и множество других, ему подобных, по-прежнему находит живой отклик в мозгах доверчивых россиян.

Полезный канал придумал Стас Кучер. Вот только не под силу ему тягаться с мощнейшей пропагандистской машиной, денно и нощно закатывающей Америку в асфальт. От Америки, впрочем, не убудет. «Отдавай-ка землицу Алясочку, отдавай-ка родимую взад» — это только в глуповатой песне да мечта Евгения Попова. А ну-ка отними.

Редакторы номера:
В. Половинко, В. Ярошевский

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

НОВАЯ
ГАЗЕТА

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия:

Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Александра ДЖОРДЖЕВИЧ (отдел расследований),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (первый зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА,
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА,
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели, специальные корреспонденты и руководители направлений:

Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН,
Дмитрий БЫКОВ, Борис ВИШНЕВСКИЙ,
Александр ГЕНИС, Ирина ГОРДИЕНКО,
Павел ГУТИОНОВ (истфак «Новой»),
Елена ДЬЯКОВА, Иван ЖИЛИН (редактор
репортерской группы), Андрей ЗАЯКИН (дата-отдел),
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЬГИН
(руководитель продюсерского центра),
Денис КОРОТКОВ, Елена КОСТЮЧЕНКО,
Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА,
Елена МИЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ,
Сергей МОСТОВИЦКИХ, Галина МУРСАЛИЕВА,
Ирек МУРТАЗИН, Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА,
Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА,
Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Арнольд ХАЧАТУРОВ
(редактор отдела экономики), Вера ЧЕЛИЩЕВА,
Наталья ЧЕРНОВА, Ян ШЕНКМАН

Отдел мультимедиа «Новая студия»:

Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:

Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Изоolda ДРОБИНА (Урал),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии
и Северной Европы),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск)

Группа выпуска:

Анна ЖАВОРОНКОВА (арт-директор),
Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА
(билд-редакторы), Диана ГРИГОРЬЕВА,
Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА,
Вероника ЦОЦКО (технические редакторы)

WEB-редакция:

Наталья ГЛУХОВА, Мария ЕФИМОВА,
Никита КОНДРАТЬЕВ
(редактор службы новостей),
Софья КРУГЛИКОВА, Александр ЛАВРЕНОВ,
Александра НОВИКОВА, Анастасия ТОРОП

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН
(генеральный директор
ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ
(заместитель генерального
директора),
Владимир ВАНЯКИН
(юрídическая делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА
(бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА
(персонал),
Ангелика ПОЛЯКОВА
(реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ,
Галина КАРАЛАШ,
Екатерина СЕДОВА
(юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПб

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-ПБ»
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: Д. Л. КАЧАЛОВА
Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № Ту 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 24 100 000 просмотров за февраль 2021 г.

Тираж одного номера
в СПб — 2400 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2021 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благodatная ул., 63.

Срок подписания: 19.30, 18.03.2021 г.
Номер подписания: 19.30, 18.03.2021 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23.00, 18.03.2021 г. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».